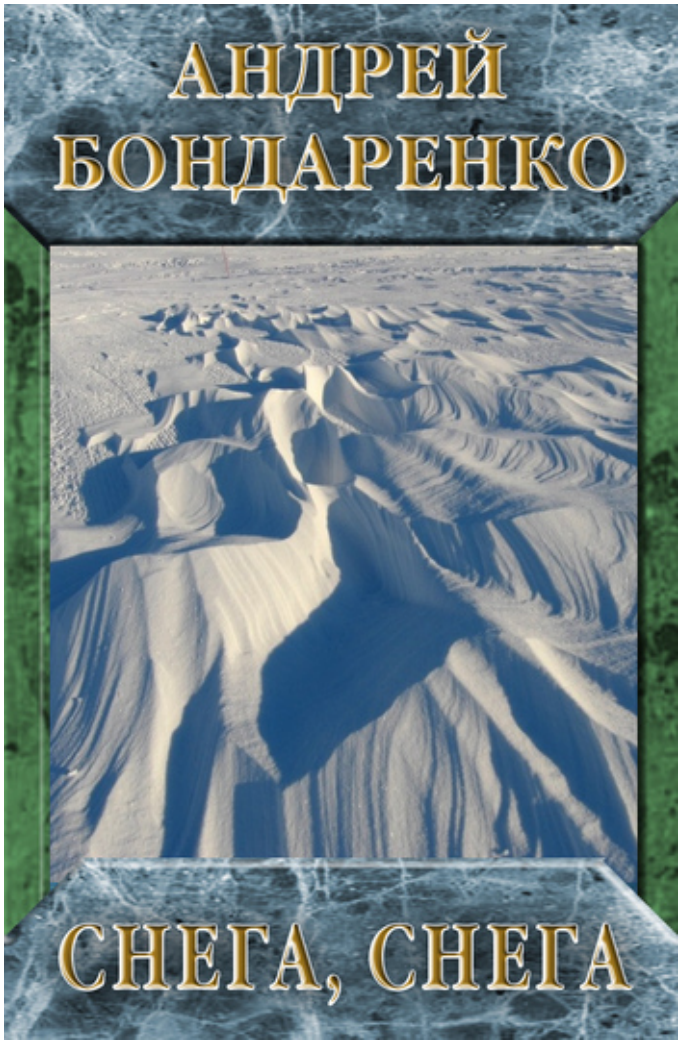
АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО
СНЕГА, СНЕГА

Андрей Бондаренко

Снега, снега

Серия «Параллельные миры», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=638375

Аннотация

На нашей прекрасной планете есть места, которые не рекомендуется посещать без веских на то причин.

Почему? Можно – ненароком – «провалиться».

Куда? Например, в прошлое. Или же в параллельные миры.

Казалось бы, что в этом страшного? Ну, параллельные миры. Подумаешь. Даже интересно.

А как вам – оказаться в концентрационном лагере для нежелательных пришельцев? Особенно учитывая тот факт, что скоро – где-то рядом – с неба упадёт гигантский астероид? Вот то-то же…

Содержание

От автора	4
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвёртая	26
Глава пятая	33
Глава шестая	40
Глава седьмая	49
Глава восьмая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Бондаренко
Снега, снега

От автора

На нашей прекрасной планете есть места, которые не рекомендуется посещать без веских на то причин.

Почему? Можно – ненароком – «провалиться».

Куда? Например, в прошлое. Или же в параллельные миры.

Казалось бы, что в этом страшного? Ну, параллельные миры. Подумаешь. Даже интересно.

А как вам – оказаться в концентрационном лагере для нежелательных пришельцев? Особенно учитывая тот факт, что скоро – где-то рядом – с неба упадёт гигантский астероид? Вот то-то же…

Глава первая
Экватор

– Тащи, – предложил Лёха.

Тёмные пальцы Хана, вздрогнув, неуверенно замерли.

– Тащи, морда, – повторил Лёха. – Не жуй сопли зелёные. Жребий – дело святое.

– Короткая, – печально лохматя на затылке чёрные густые волосы, вздохнул Хан. – Повезло тебе, брат. Опять. Как и всегда.

– Повезло, у кого петух снесло. Что кривишься, морда узкоглазая? Не смешная шутка?

– Не смешная.

– У всех степных дикарей – плохо с чувством юмора. Точнее, никак.

– Зачем обзываешься, брат? – обиделся Хан. – Нехорошо.

Лёха, ободряюще подмигнув, посоветовал:

– Не принимай, морда, близко к сердцу. Иначе никогда не пройдёшь на второй уровень. Ангелы не пропустят.

– Почему – не пропустят?

– По кочану. Что надо делать, когда тебя хлопнули ладонью по левой щеке?

– Подставить правую.

– Морда.

– Узкоглазая морда, – печально вздохнул Хан.

– Молодец, – скупо похвалил Лёха. – Сообразительный. Ладно, я пошёл. Дела.

– Иди. Я всё сделаю.

– Кто бы сомневался… А почему ты такой смурной?

– Надоело быть узником. Свободы хочется. Воздуха вольного, степного. Хотя бы глоток…

Он, стараясь шагать бесшумно, прошёл по коридору – мимо прикрытых дверей спален.

«Мимо спальных помещений казармы», – мысленно поправил сам себя Лёха. – «Вернее, мимо спален типовой казармы, расположенной на территории фильтрационного (концентрационного?), лагеря, предназначенного для переселенцев. Для переселенцев? Ага. Именно так нас здесь принято называть. А сам лагерь, понятное дело, именуется «Чистилищем». Причём, именуется на полном серьёзе. Без малейшего намёка на тонкий юмор. Артисты, одно слово. Вернее, Ангелы. То бишь, верные слуги Папы Римского. Мать их всех…».

Зайдя в туалетное помещение, Лёха запер дверь на задвижку и подошёл к прямоугольному окну с приоткрытой крохотной форточкой. Со стороны улицы окошко было закрыто мощной чугунной решёткой.

– Деятели хреновы, – насмешливо пробормотал под нос Лёха. – Повесили решётку и на этом успокоились. А её крепёж кто будет проверять? Желательно – регулярно и вдумчиво? Кузнец давно уже с решёткой разобрался, незаметно спилив стальные штыри и приспособив на карнизе «направляющие салазки». Кузнец… Куда, интересно, он попал-пропал? В расход? Или же на урановые рудники? Хороший был мужик. Хваткий, несуетливый, тёртый, насмешливый. Только упрямый и скрытный не в меру. Да и с памятью у него наблюдались определённые проблемы. Ни одной молитвы не мог толком запомнить. Заикался, мямлил, канючил, строфы путал местами…

Минут через пять-шесть от входной двери донеслись голоса:

– Мне надо переговорить с высокородным господином начальником, – нагло заявил Хан.

– С епископом, – уточнил ленивый голос дежурного Ангела.

– С ним самым.

– Зачем?

– Очень надо. Жажду.

– Зачем?

– У меня видение было, – заученно заблажил Хан. – Святой Никодим ко мне являлся. Разговаривал со мной. Поучал всякому.

– Какой ещё Никодим?

– Святой. Бородатый. Красноречивый… Начальника позовите!

– Чёго орёшь? – рассердился Ангел. – В карцер, сволочь грязная, захотел? Месяца на два?

– Хочу – епископа! – отчаянно взвыл Хан. – Руки убрал, сука рваная! Убрал… А-а-а, пустите! Я буду жаловаться, мать вашу… Куда вы меня тащите, твари безмозглые?

«Пора, – берясь пальцами за оконные шпингалеты, решил Лёха. – Что мне определённо нравится, так это наличие в данном Мире единого языка. Удобная такая вещь, здорово жизнь упрощающая…»

Решётка плавно и совершенно бесшумно – по стальному, заранее смазанному подсолнечным маслом пазу – плавно отъехала в сторону. Ещё через пару секунд он ловко спрыгнул на пожухлую осенне-зимнюю травку, пригнулся и, держась за подстриженными кустами молодого боярышника, припустил вдоль задней стены казармы.

«Деятели хреновы, – зашелестели в голове различные, в меру разумные мысли. – Вроде, умные люди, а по факту получается – дураки легкомысленные и туповатые. Кругом, понимаешь, понатыкали инфракрасных камер видеонаблюдения – на плацу, у входных дверей в казармы, возле учебных и хозяйственных корпусов, вдоль высоченного забора с колючей проволокой. А задние стены зданий-сооружений? А всякие закутки и захламлённые переходы? Халтурщики, блин… Климат же здесь – мягче мягкого. Сегодня у нас, если память, конечно, не изменяет, пятнадцатое декабря, а вокруг царит самое натуральное бабье лето. Голубое безоблачное небо, полное безветрие, плюс десять-двенадцать градусов… Как такое – в принципе – возможно? Следствие идеальной экологической обстановки? Достижения тутошних высоколобых учёных мужей? Божий промысел? Хрен его знает… А в нашей Сибири сейчас, наверное, снега уже намело метра два с гаком. Ну, не два, так полтора. Здесь же и такого слова – «Сибирь» – не знают. Да и такие термины, как «Россия», «Америка» и «Китай» местным Ангелам не ведомы. Есть лишь одна – могучая и неделимая – «Священная Римская Империя», не имеющая никакого отношения к Германии и возглавляемая, естественно, Папой Римским, которому усердно помогают мрачные и упёртые ребятки из Великой Инквизиции. Да, дела. Бывает…»

Солнце уже скрылось за изломанной линией горизонта. Лениво и равнодушно догорал печальный бордовый закат.

Лёха, старательно оглядевшись по сторонам, пересёк узкий проулок и вошёл в полуразрушенное обшарпанное двухэтажное здание. Здесь когда-то размещались швейные цеха, в которых переселенцы и переселенки занимались пошивом разнообразных церковных ряс и прочего аналогичного хлама. Потом – по неизвестным причинам – надобность в церковной одёжке отпала, и цеха – за полной ненадобностью – закрыли.

Пятнадцатого числа каждого месяца, после объявления отбоя, переселенцы проводили в заброшенном здании традиционные совещания, на которые собирались «выборные» от казарм – и от мужских, и от женских. От всех казарм? Нет, конечно же. Приходили только те, кому удавалось выбраться на улицу незаметно. С железобетонной гарантией – незаметно. Конспирация и осторожность – превыше всего. Вопрос, что называется, жизни и смерти…

По скрипучей лесенке он шустро поднялся на второй этаж и, вытянув губы трубочкой, тихонько зацокал, подражая бытовому сверчку. Эти симпатичные и безобидные насекомые обитали в окрестностях «Чистилища» в огромных количествах.

Через пару секунд раздалось ответное стрекотанье – чуть более длинное, звонкое и трескучее, чем натуральное природное.

Лёха неторопливо прошёл в помещение, где когда-то располагался склад готовой продукции, и небрежно поздоровался:

– Привет узникам!

– Здрасьте, добрый вечер, здорово, здоровее видали, – в разнобой зазвучало в ответ.

– Как оно? В плане – жизнь?

– Нормально. Ништяк… Бывало и хуже. Но реже… Зато, погода нынче хорошая. В щели казарменных окон почти не дует. Да и голов пока, сучата, не рубят. Секут плетьми и ногайками? Иногда. Бывает. Но в меру и без излишнего скотства…

Вокруг старого письменного стола – на разномастных табуретках и стульчиках – разместились пятеро: трое мужчин и две женщины.

«Не густо, – мысленно расстроился Лёха. – С каждым разом – всё меньше и меньше. И Варвар сегодня не пришёл. Жалко. Значит, с оружием ничего не получилось… Так-с, что мы имеем? Сизый, Мельник, Облом и Жаба. Что же, личности известные, но, впрочем, не играющие в «Чистилище» значимых и определяющих ролей. Так, шантрапа бесполезная и незрелая, не способная на серьёзные и жёсткие поступки. А, вот, девица, сидящая с краю… Молоденькая, стройная. Тонкие черты породистого лица. Светлые, слегка вьющиеся волосы. Серые задумчивые глаза… Кто такая? Почему не знаю?»

– Графиня, – не дожидаясь вопроса, представилась девушка.

– Лёха.

– Я знаю. Наслышана.

– Польщён. Ты новенькая?

– В общем, да. Новенькая. Я здесь всего-то полтора месяца. Сейчас вместо Актрисы.

– А, что с ней?

– Забеременела, – слюняво усмехнулся Облом. – Ангелы уже забрали. Наверное, пустят в расход. Хотя…

– Ну-ну, продолжай, родимый, – непроизвольно нахмурился Лёха. – Сказал «а», говори «б».

– Дык, всякое люди болтают. Мол, она с кем-то из Ангелов связалась-спуталась. Чуть ли не с самим епископом.

– Болтают, – подтвердила Жаба. – С епископом.

«Эх, Мэри, неугомонное и упрямое создание, – подумалось. – И здесь, видимо, решила действовать проверенным – в старом Мире – способом. Впрочем, каждый волен на собственный выбор. Диалектика, блин…»

Внимательно посмотрев на новенькую светленькую девушку, Лёха уточнил:

– «Графиня»? Откуда взялось такое странное прозвище?

– Она настоящая графиня, – задумчиво поглаживая длинную седую бороду, подтвердил Сизый.

– Это правда?

– Правда, – вызывающе улыбнулась девица. – А, разве, запрещено? Что в этом такого?

– Ничего. Бывает. Значит, в твоём Мире – Средневековье?

– Ну, не знаю. Извини, я ещё не научилась толком разбираться в этих понятиях и терминах. Если и Средневековье, то, так сказать, позднее. Начало дворянского периода. Точнее не могу определить…

– У них порох изобрели гораздо позднее, – пояснила Жаба. – Вот, и задержались немного в развитии.

– Бывает, – покладисто согласился Лёха. – У нашего Хана, например, до пороха так и не додумались. Всё на лошадях скачут, мечами – по старинке – машут, копья метают да стреляют из тугих луков… А ты, Графиня, какая графиня? Русская, французская, английская?

– Отец – бургундский граф. Мать – итальянская маркиза. Так что, мы бедные. Даже приданного мне не собрали достойного. Не смогли, хотя и старались…

– А, что так?

– У нас сейчас Испания – в европейской политике – играет первую скрипку. Золота навезли из далёкой Южной Америки – и не сосчитать. Переманили к себе лучших оружейников и корабельных мастеров. Потом сожгли английский флот. Затем португальский и голландский. Нынче Мадрид силён, как никогда.

– Повезло тебе, Графиня, – вздохнул приземлённый Мельник.

– Почему – повезло?

– Потому, что ты – из Средневековья. А там, как мне рассказывали, Великая Инквизиция мазу держала и зверствовала вовсю. Значит, ты и с местными попами споёшься. То есть, с Ангелами. Так как чётко знаешь, чего ожидать от их скользкой и лукавой братии.

– Может, и споюсь, – презрительно усмехнулась девица. – Почему бы, собственно, и нет? По крайней мере, матушка настоятельница уже пообещала, что допустит меня сразу на третий уровень.

– На третий? – завистливо дёрнула жирным подбородком Жаба. – Действительно, везучая. Где третий, там и пятый. А после пятого уровня отпустят на проживание в какое-нибудь крепкое рабочее поселение. Мужа там себе подберёшь достойного, из крепких ремесленников. Лучше – из кузнецов, или слесарей…

– Не стоит останавливаться на пятом уровне, – возразил Мельник. – Дальше надо идти. Дальше… После седьмого уровня Графине можно будет выйти замуж за какого-нибудь священника, подающего надежды. Местным Ангелам это не возбраняется… Может, уже хватить чесать языками о пустом? Перейдём к делу?

– Перейдём, – согласился Лёха. – У кого какие новости?

Для обмена новостями они и собирались на ежемесячные совещания. Собирались, надеясь в глубине души, что кто-нибудь из «выборных» принесёт с собой по-настоящему позитивную информацию, могущую помочь… Помочь – чему? Наверное, помочь – возродить надежду на окончание всего этого навязчивого и бесконечно-серого бреда…

Дельных свежих новостей практически не было. Так, только сущая и бесполезная ерунда. Мол, кто из дежурных Ангелов – человек, а кто – сволочь последняя и гнилая. Ну, и минут десять – в дежурном порядке – обсудили очередную порцию слухов о предстоящей отставке епископа Альберта. Эти слухи уже добрых восемь-девять месяцев кочевали по «Чистилищу», а епископ всё не уезжал.

– А ещё, похоже, Ангелы чего-то опасаются, – состроив загадочную гримасу, сообщил Сизый.

– Поясни-ка, брат, – насторожился Лёха. – Будь так добр.

– Ну, это не точно…

– Сопли, морда, не жуй. Говори толком!

– Мне об этом Ковбой рассказал. Мол, его позвали на кухню – чинить электрическую плиту. А там Ангелы толпились возле компьютера и громко обсуждали последние новости. Так, вот, ожидается скорый Конец Света… Чего это вы, узники горькие, захмыкали так недоверчиво? Гадом последним буду! На этот раз всё всерьёз…

– Грядёт Всемирный потоп?

– Извержение гигантского вулкана? Цунами? Гы-гы-гы…

– Не угадали, рожи кандальные. В скором времени ожидается падение на землю гигантского астероида. Или, может, метеорита? А?

Все выжидательно посмотрели на Лёху.

– Чего уставились-то? – непонимающе передёрнул он плечами. – Я не умею мысленно проникать в Будущее. Вот, упадёт эта космическая штуковина, тогда и проясним – что да как… Меня другой вопрос занимает. До сих пор так и неизвестно, где – в обычном географическом понимании – располагается наше «Чистилище». Какие города и поселения размещены поблизости? Какие реки протекают рядом?

– А зачем это тебе? – небрежно спросил Облом. – Собрался, белобрысый, в бега податься?

– Почему бы и нет? Побег – дело однозначно полезное. По крайней мере, интересное.

– Поймают же.

– Пусть – для начала – попробуют. Ангелы нынче разбаловались. Ленивыми стали, зажирели… А если, действительно, метеорит свалится на Землю? Паника, сопровождаемая нездоровым ажиотажем, начнётся. Глядишь, и удастся – под шумок – соскочить.

– Это да. Без вопросов. По метеоритам – ты у нас главный специалист. Кто бы спорил…

Графиня – словно примерная школьница младших классов – подняла вверх правую руку.

– Докладывая, сероглазая, – разрешил Лёха.

– Вам знакомо слово – «Енисей»? – прозвучал неожиданный вопрос.

– А, то! – обрадовался Мельник. – Я – в своё время – строил под Красноярском ветровую электростанцию. Причём, самую крупную в Азии. Строил, но не достроил. Сюда – «провалился»…

– Знакомо, – подтвердил Лёха.

Остальные «выборные», непонимающе пожав плечами, скромно промолчали.

– Я случайно подслушала один разговор, – продолжила светловолосая девушка. – Матушка настоятельница болтала с одним из дежурных Ангелов. У них – случайно – обнаружились общие знакомые, проживающие на берегу реки Енисей, в каком-то новом церковном поселении. Так вот, как я поняла, Енисей протекает где-то на западе от «Чистилища». Причём совсем недалеко. Ангел говорил, что на выходных хочет посетить приятелей. Мол, в Енисее водится много крупной рыбы… Это – полезная информация?

– Полезная, – кивнул головой Лёха. – Спасибо, сероглазая…

Про себя же он подумал иное: «Всё это – очень неоднозначно. Мол, Ангел решил – на законных выходных – смотаться на Енисей. Типа – порыбачить от души. Ну, и что из этого? У Ангелов имеются и вертолёты, и реактивные самолёты. Так что, как говорится, возможны различные варианты… Эх, как здорово было бы, окажись «Чистилище», действительно, на территории Сибири! Рванул бы, честное слово, к Подкаменной Тунгуске, к месту падения Тунгусского метеорита. Может, и удалось бы вернуться назад… Хотя, неизвестно относительно тутошнего Мира – падал ли здесь Тунгусский метеорит? Кстати, а не он ли сейчас приближается к планете? Интересный, право слово, момент… Сибирь? Вполне возможно. Лес-то за забором характерный, визуально похожий на сибирский…».

– Ещё одно дело, – ворчливо прошамкала Жаба. – Не стоит доверять ребятам из третьей мужской казармы.

– Почему?

– Ангелы к ним стали очень мягко и трепетно относиться. Кормят от пуза. Карцер отменили. А Варвара несколько раз вызывали к самому епископу. Не к добру это.

– Не к добру, – согласился Лёха. – Спасибо, учтём…

Ещё минут через пятнадцать совещание завершилось. «Выборные» – по устоявшейся традиции – расходились парами.

Вскоре в помещении остались только Лёха и Графиня.

– Может, задержимся ненадолго? – неожиданно предложила девушка. – Поговорим?

– Хорошо, задержимся. Поговорим…

– Ты только не подумай ничего…м-м-м, такого.

– Хорошо, не буду, – пообещал Лёха, а про себя решил: – «А она – очень миленькая и симпатичная. Даже несмотря на уродливую одежду, в которую Ангелы наряжают всех переселенок. Серая плотная блуза «под горло», длинная мешковатая тёмно-коричневая юбка, из-под которой выглядывают грубые чёрные башмаки. Миленькая…».

– Понимаешь, я здесь новенькая. Ничего толком не знаю. Мне, конечно, кое-что рассказали. Но так, лишь слегка, в общих чертах…

– Актриса?

– Да, Мэри мне объясняла, но… Всякие «магнитные поля и аномалии», «параллельные Миры». Голова идёт кругом. Да и говорить медленно Мэри совсем не умеет. Тараторит, как лесная болтливая сорока, почти не делая пауз. Запросто можно с ума сойти…

– Что есть, то есть, – согласился Лёха.

Он прочитал короткую научно-популярную лекцию – о магнитных полях и о многом другом – после чего поинтересовался:

– Ну, как? Поняла хоть что-нибудь?

– Поняла, – преданно заглядывая ему в глаза, заверила девушка. – Ты очень хорошо рассказываешь, доходчиво и правильно. Даже я, дурочка из Средневековья, очень многое уловила. Спасибо.

– Всегда – пожалуйста, – польщёно хмыкнул Лёха. – Итак, рисую окончательную картинку. Магнитные аномалии провоцируются Солнцем. Вернее, аномальным изменением его активности. В результате – в момент особо значимых магнитных аномалий – наша старенькая планета «замирает». Например, на час с хвостиком. В результате, изначальный Мир разделяется на два. Первый развивается дальше так, как будто ничего не произошло. Второй же – с учётом «украденного» часа. То есть, те люди, которых могли убить в этот час, останутся в живых. А те, которых должны были зачать, и вовсе, никогда не рождаются. Но планета может «замереть» и на более солидный период… Понимаешь?

– Ага.

– Молодец. Продолжаю… Значимые магнитные аномалии, отнюдь, не редкость. Вот, и разнообразных параллельных миров, судя по всему, образовалось достаточно много. И все они развиваются по собственным законам, сценариям и правилам, поэтому так и отличаются друг от друга… Миры же – в свою очередь – «находятся» друг от друга достаточно близко. Между ними – время от времени – образуются своеобразные «колодцы», в которые люди и «проваливаются». То есть, это я так понимаю данный процесс. Могу, конечно, и ошибаться… Что ещё? Какова природа «колодцев», соединяющих параллельные Миры? Почему все «валятся» именно в этот конкретный Мир, представляющий собой безраздельную вотчину Священной Римской Империи? Откуда у переселенцев появляется-проявляется знание местного языка?

– Ты волшебник, умеющий читать мысли других людей?

– В том-то и дело, что нет. По крайней мере, ответов на последние три вопроса я не знаю. Хотя, по поводу языка… Возможно, Ангелы чем-то воздействуют на мозг переселенцев. Например, вшивают соответствующий обучающий «чип». Но это не точно. Извини…

– Ничего страшного, – вежливо улыбнулась Графиня. – А почему у тебя такое странное прозвище – «Лёха»?

– Это не прозвище, а имя. Уменьшительное от «Алексей», «Алёша», «Алекс».

– А, прозвище?

– Отсутствует.

– Почему? У всех переселенцев в «Чистилище» есть прозвища. Мол, традиция такая.

– А, вот, у меня нет.

– Почему? – продолжала упорствовать светловолосая девица.

– Ребята придумывали всякое, только мне все эти варианты не нравились. Глупые какие-то и слегка обидные. Характер же у меня тяжёлый…

– Наверное, как и твои пудовые кулаки?

– Это точно. Отрицать не буду. Люблю, знаешь ли, э-э-э… Разнообразные дуэли, скажем так. А тебя, потомственная аристократка, как зовут?

– Вандой. Это в честь бабушки по отцовской линии. Она была родом из Польши.

«Ничего себе!», – мысленно присвистнул Лёха. – «Какая термоядерная смесь! Бургундская кровь, итальянская, польская… Да, надо с этой сероглазой барышней вести себя поосторожней. В том плане, чтобы голову – ненароком – не потерять…».

– А что Ангелам надо от нас? – спросила Ванда. – Почему они помещают всех переселенцев в фильтрационные лагеря и обращаются, как с дикими зверями?

– Ничего сложного. В этом Мире – много веков назад – победила католическая церковь. Бывает. Теперь вся планета – единая Священная Римская Империя. Её жители – в морально-нравственном смысле – считают себя верхом совершенства. А все переселенцы – в их высокоморальном понимании – являются подлыми недоумками, недостойными пожинать сладкие и благостные плоды «церковной» цивилизации… Поэтому мы все подлежим тщательному обучению разнообразным и строгим религиозным канонам. Ну, и долгому очищению от всяческой греховной скверны, приобретённой в иных Мирах… Наиболее покорные и способные – со временем – становятся полноправными жителями этого Мира. Или же почти полноправными. Данный момент подлежит уточнению…

– А, неспособные и своенравные?

– Не знаю, – признался Лёха. – Принято говорить, что их «пускают в расход». Что надо понимать под этими словами? Понятие не имею. Может, физическую ликвидацию. Может, что-то совсем другое…

– Светает, – подойдя к маленькому окошку, сообщила девушка. – На востоке затеплилась тоненькая розовая нитка. Звёзды – постепенно – тухнут. То есть, гаснут.

– Это точно. Пора возвращаться в казармы. Впрочем, минут тридцать-сорок у нас ещё есть.

По плацу – со стороны учебного корпуса – шагали два охранника. Высокие, широкоплечие, в светло-стальных комбинезонах, с чёрными защитными шлемами на головах.

– В руках у ребятишек находится по короткой дубинке, а на боку у каждого размещена солидная кобура с лазерным пистолетом, – ехидно хмыкнул Лёха. – И какие из них, блин горелый, Ангелы? Насмешка сплошная, дурацкая… Кстати, они, обычно, по территории «Чистилища» прогуливаются тишком, то есть, молча. Типа – с сонным и скучающим видом. А сейчас о чём-то переговариваются. Причём, озабоченно, увлечённо и активно…

– Что такое – «лазерный пистолет»?

– Долго объяснять. Оружие такое, напоминающее – в первом приближении – средневековый арбалет.

– Говоришь, что у нас есть полчаса? – спросила Ванда.

– Есть.

– Тогда расскажи, пожалуйста, как ты оказался в этом Мире.

– Право, не знаю. Не уверен, что ты поймёшь.

– А, ты попробуй, Алекс. Ну, пожалуйста… Неужели, так трудно?

«Эге, уже – «Алекс». Однако, – непроизвольно отметил Лёха. – Впрочем, пусть. У неё очень мило получается – выговаривать это словечко…»

– Ладно, сероглазка упрямая, слушай…

Глава вторая
Лёха. Ретроспектива 01. Мудрый Ёпрст

То июньское утро откровенно не задалось. Голова – зверски – трещала с похмелья. Обиженная Ленка упорно не звонила. В шкафу не нашлось чистых носков. Пришлось, так его и растак, надеть вчерашние. И это – ещё цветочки… Брюки были мятыми. Щёки – колючими. На правой половине светлого импортного пиджака наблюдалась щедрая россыпь бежевых кофейных пятен…

– Хрень гадкая, – закуривая первую сигарету, констатировал Лёха. – И со временем туго. Даже кофе, блин, не попить. Мать его кофейную…

Он торопливо провёл несколько раз по щекам бритвой, облачился – вместо классических брюк – в вельветовые серые джинсы и, захлопнув дверь, покинул квартиру.

Естественно, что кроме вельветовых штанишек он натянул на мускулистый торс светло-бежевый исландский джемпер, поверх которого набросил утеплённую куртку. Кожаную, понятное дело. Московская весна – вещь неприятная и малопредсказуемая. Способная на всяческую неприглядную метеорологию, включая лёгкие утренние заморозки и затяжной дождь со снегом.

Машина, гнида ленивая и капризная, минуты три-четыре не хотела заводиться. А когда, наконец-то, завелась, всё чего-то недовольно похрюкивала, словно бы угрожая – остановиться намертво в любой момент. Типа – по важным и неотложным техническим причинам…

– Лизавета, родненькая, не подгадь, – осторожно перебирая ступнями ног по педалям, попросил Лёха. – Довези, будь, уж, так добра! Милочка… Обещаю, что завтра же отправимся на очередное ТО. Сколько я уже просрочил? Года полтора? Говоришь, мол, почти три? Ну, извини, родная. Обязательно исправлюсь! Гадом буду. Обязательно…

Машина, словно бы поверив в эти несбыточные и фантастические обещания, доехала, тихонько и терпеливо сопя, до начала улицы Академика Королёва, после чего резко остановилась.

– Спасибо, любимая киска! – душевно поблагодарил Лёха. – Отдыхай, Лизавета. Я скоро. Штатским гадом буду…

В приёмной Генерального директора Первого телеканала было душно, накурено, беспокойно и неуютно. В том плане, что к гостям и просителям здесь всегда относились недружелюбно, то бишь, откровенно по-хамски.

– Соблюдайте, пожалуйста, тишину! – недовольно хмурилась Мэри, сексапильная секретарша Генерального директора. – Вы же, всё-таки, не в кемеровском борделе… Поимейте совесть! Константин Алексеевич всех примет. Обязательно. То бишь, тех, кому было заранее назначено. Про остальных – ничего не знаю. Врать не буду…

– Говорите, кемеровский бордель? – тихонько восхитился чей-то масляный голосок. – Это, собственно, какой из них? Тот, что возле вокзала? Ну, на той узкой улочке, которая – с востока – идёт параллельно проспекту Ленина? Не там ли мы с вами, милочка рыжая, виделись когда-то?

– Что? – стыдливо обомлела секретарша. – Кто это сказал?

Тревожное молчание было ей ответом. Тревожное и – бесспорно – недоброе. То бишь, насмешливое…

– Не понял, граждане, – входя в приёмную, хрипло известил Лёха, чувствуя, что предоставляется удобнейший случай – сбросить общий утренний негатив. – Отставить! Что это

за фря такая в юморе упражняется? Причём, неумело? Типа – упражняется, не раздумывая о последствиях? О тяжких и неотвратимых последствиях, я имею в виду? Честных девушек, понимаешь, оскорбляет? А?

– Да, что это – за фря? – поддакнула повеселевшая Мэри. – Как её, гадину зовут? В смысле, его?

– Что вы себе позволяете? – вскочил на ноги импозантный пожилой господин. – Да, я вас всех…

«Какой костюмчик! – подумал Лёха. – Итальянский, надо думать. Стоит в пределах десяти тысяч Евро. То бишь, раза в полтора дороже, чем моя «Лизавета»… Не справедливо! А какой симпатичный значок висит на пиджачном лацкане. Офигеть можно запросто! Патриотичный такой…»

Подумал, да и приобнял слегка – насквозь успокаивающе – рассерженного дяденьку за хлипкое плечико.

Мол: – «Не горячитесь вы так, уважаемый! Все болезни, они от пошлых стрессов. Гадом буду, в умной и толстой книжке прочёл намедни. После дождичка в четверг…».

– Ой, как в позвоночнике стрельнуло-то! – послушно обмер важный господинчик. – Ой, мамочки мои… Мэри, звёздочка ясная и светлая! Звоните моим охранникам. Вы знаете – номера. Пожалуйста. Тошнит меня…

– Звони, Матильда! – подтвердил Лёха. – Не дай Бог, конечно, помрёт депутат. Как Государственная Дума без него будет работать? Кворума, полчаса ссать с балкона, не наберут… А вы, блин горелый, что тут расселись? – недобро посмотрел на других просителей, оккупировавших приёмную. – На выход, уважаемые! Попрошу любезно! Типа – от греха подальше… Маня, подтверди!

– Всё верно, господа, – нажимая нежным пальчиком кнопки на мобильнике, язвительно откликнулась Мэри. – Константин Алексеевич с самого утра только и спрашивал – про Алексея Ивановича. Мол, все остальные и до завтра подождут… Гуляйте, родимые! Гуляйте… Паша? Это Мариночка. Узнал? Подожди с шуточками. Поднимайся-ка к нам… Нет, ничего не случилось. Нет, ничего такого… Ну, поплохело немного твоему старичку. С кем не бывает? Клянусь! Курвой буду! Ну, поверил, облом двухметровый? Пашенька…

– Морда узкоглазая, – подсказал Лёха.

– Морда… Тьфу! Что? Да, это я не тебе… Что? Ну, да – Лёха припёрся. Нынче он в авторитете. Как же, сам Президент – по телеку – ему орденок вручал. Позавчера наблюдали всей Конторой… Не, у нас с ним всё закончилось. Точно-точно. Не веришь? Лярвой буду! Ладно, проехали… Поднимайся и забирай своего слабосильного шефа. Он тут уже весь наш ковёр заблевать изволил. Не простой ковёр. Подарочный, туркменский, ручной работы…

Минут через пятнадцать они остались в приёмной вдвоём.

– Ну? – глядя в сторону, небрежно поинтересовался Лёха.

– Что – ну?

– Как общая политическая обстановка? Как – шеф?

Надо отдать Мэри должное. Не смотря на ярко-выраженную сексуальную неразборчивость, она была весьма разумной и прагматичной девушкой.

«Из таких шустрых барышень – слегка облегчённого поведения – они и получаются, образцово-показательные генеральши», – мысленно признал Лёха. – «Или там, к примеру, олигархши. Да и депутатши…».

– Общая обстановка – прежняя, – криво усмехнулась Матильда. – Охота на будущего мужа продолжается. То есть, в самом разгаре. Особенно с тех самых пор, как стало окончательно понятно, что ты, боров здоровенный, являешься законченным чилийским лохом.

– В том смысле, что честным человеком, плюющим на всякие избыточные материальные блага?

– Именно это я и имела в виду. Клинический случай, не поддающийся излечению… Ладно, не обижаюсь. Попробую с Пашкой сварить достойную кашу. Типа – сытную и престижную. Как-никак, депутатский помощник. Недавно квартиру казённую в Черкизово приватизировал… Спрашивал про шефа?

Мэри кивнула головой на солидную дверь морёного дуба, на которой красовалась доходчивая табличка: – «Ёпрст К.Л., Генеральный директор Первого канала».

– Ага, интересовался.

– Задумчив с самого утра. Я ему кофе заносила – считает. В том смысле, что нажимает на кнопочки калькулятора, а потом цифры переносит в потрёпанный блокнот.

– Интересное дело, – задумался Лёха. – Что же это он – с утра пораньше – пересчитывает?

– Деньги, надо думать. Что ещё может интересовать Генерального директора? Да ты, Лёшенька, заходи. Только потом не забудь, пожалуйста, поделиться информацией с верной подругой… Кстати, родное сердце, а за что Президент тебе орден повесил на грудь широкую?

– За былые заслуги, ясен пень. Давно это было. Во времена бурной и бесшабашной юности.

– Это когда ты в Органах служил?

– Так точно.

– А в каких – Органах?

– В секретных, девонька. В жутко-секретных…

Ёпрст, действительно, выглядел крайне озабоченным. Его шикарная шевелюра была взлохмачена до полной невозможности, а в кабинете отчётливо пахло сигаретным дымком и хорошим виски.

«Ну, вот. Не было печали у гусара», – всерьёз загрустил Лёха. – «Если шеф ещё до обеда начинает прикладываться к бутылке, это означает лишь одно – следует ожидать какой-либо пакости, связанной с поездкой в дальние края. Причём, отнюдь, не на фешенебельный европейский курорт…».

– Значит, надо чемодан собирать? – вместо приветствия поинтересовался Лёха.

– Рюкзак, – невозмутимо уточнил Ёпрст. – И дельный накомарник не забудь прикупить в профильном магазине.

– Блин горелый.

– А, как ты думал, друг сердечный? Большую зарплату надо отрабатывать. Хотя бы иногда. Диалектика развития человеческого общества… Ладно, не расстраивайся, парнишка, раньше времени. Возьми с полки сладкий пирожок. В том плане, что накати на грудь молодецкую капель двадцать-тридцать. Я сегодня добрый…

«Добрый, говоришь?», – подойдя к мини-бару, встроенному в громоздкий книжный шкаф, мысленно усмехнулся Лёха. – «Сейчас, как и полагается, проверим…».

Он опрокинул красивую импортную бутылку тёмно-синего стекла над широким бокалом.

– Буль-буль-буль, – бойко и звонко забулькала благородная янтарная жидкость. – Буль-буль-буль…

– Не увлекайся, деятель белобрысый! – забеспокоился прижимистый Ёпрст. – Хочешь всю бутылку – в одну наглую харю – выжрать?

– Ты же сам сказал, мол, тридцать капель. Ну, я и подумал, что триста грамм.

– Заканчивай наглеть, Петров! Вискарь-то коллекционный. Мне его один шотландский продюсер – на день рожденья – презентовал.

– Тем более. Нормальный человек никогда не жалеет дарёного…

– Уволю!

– Вас понял, шеф. Исправлюсь, – скорчил испуганную гримасу Лёха. – Ну, за нехоженые дороги, которые нас выбирают …

Он поставил опустевший бокал на столешницу.

– На верхней полочке бара стоит блюдечко с орешками кешью, – любезно сообщил заботливый начальник. – Закуси, чтобы не захмелеть.

– Спасибо, босс!

– Не за что. Всегда рад – облагодетельствовать подчинённых. Да, Мэри не соврала…

– О чём это?

– О том, Петров, что ты неравнодушен к алкоголю. Прямо, как в том бородатом анекдоте.

– Расскажи.

– Каждое утро жена приносила мужу в постель кофе. В противном же случае он, выкурив первую сигарету, доставал из холодильника пиво… Ха-ха-ха!

– Дурацкая шутка.

– Кому – как. У всех бывших «фээсбешников» плохо с чувством юмора.

– Я бывший «грушник», – поправил Лёха.

– А, какая разница?

– Если честно, то никакой…

Ещё через минуту Лёха попросил:

– Озвучь-ка, Костян, очередную гениальную идею. Небось, дело насквозь финансовое?

– А, то! – тут же повеселел Ёпрст. – Баблосы, как говорится, главный двигатель прогресса.

– С классической еврейской точки зрения, – не преминул уточнить Лёха.

– Уволю, Петров!

– Молчу, молчу…

– Итак, какая из передач нашего славного канала имеет – уже на протяжение пяти месяцем – наивысший рейтинг?

– Кажется, реалити-шоу «Жестокие игры».

– Не кажется, а так оно и есть! Рекламодатели – с тугими кошельками в зубах – в длинную очередь выстраиваются. Вот, только…

– Какие-то трудности?

– Накладные расходы избыточно высоки, – запечалился Ёпрст. – Доставлять съёмочную группу и капризных звёздных участников – в Аргентину и обратно – удовольствие не из дешёвых. Плюсом суточные, кормёжка козырная, проживание в пятизвёздочных гостиницах, выплаты по различным страховым взносам. Не говоря уже о стоимости самой лицензии на данный медийный продукт… Накапай-ка, Петров, ещё вискарика. Капель, пожалуй, по десять. Возьми для меня из бара чистый бокал…

Зажевав «десять капель» орешками кешью, Епрст продолжил:

– И, вообще, сколько можно – покупать на загнивающем Западе готовые телевизионные продукты? Всякие там ток-шоу, реалити-шоу, сценарии «мыльных опер» и детективных сериалов? Доколь, я вас спрашиваю? Молчишь, Петров?

– Молчу.

– Значит, что надо делать?

– Не знаю, – тяжело вздохнув, признался Лёха. – Извините, Константин Алексеевич. Виноват. Не увольняйте, пожалуйста. Исправлюсь.

– Прекращай ёрничать! – вспылил Епрст. – Юморист нашёлся. Петросяна нам, понимаешь, мало…

Впрочем, очень быстро он успокоился и, для чего-то тыкая указательным пальцем в белоснежный потолок кабинета, сообщил:

– Мы будем проводить реалити-шоу «Жестокие игры» в России. Вернее, в Сибири. Зимой. В лютую январскую стужу. Как тебе?

– Нормально.

– Суровая зима. Трескучие морозы. Голодные и злые медведи-шатуны, рыскающие по всей округе… Только название надо будет придумать другое, чтобы у сволочных зарубежных коллег не возникло бы достойного повода – затеять судебную тяжбу.

– Снега, снега, – задумчиво вертя перед глазами пустой бокал, пробормотал Лёха.

– Прости, что ты сказал?

– Я говорю, что надо назвать новое реалити-шоу – «Снега, снега».

– Отличная идея! – восхитился Ёпрст. – Считай, Петров, что твой вариант принят. Готовь бумажник для щедрых премиальных… Теперь поговорим о технической стороне вопроса. С чего начинаются «Жестокие игры»?

– Один из участников соревнований бежит по каким-либо штуковинам, которые противно пружинят под ногами. Если оступается, то падает в жидкую грязь.

– Правильно! А у нас – пусть падает в метровый снег. Дальше, насколько я помню, надо пройти вдоль длинной стены, из которой «вылетают» боксёрские перчатки?

– Вылетают, – подтвердил Лёха. – И, если слабосильный игрок не может удержаться на ногах, то – как и в первом случае – оказывается в специальном пруду, наполненном качественной грязью. У нас, понятное дело, «пруд» будет заполнен холодным сибирским снегом?

– Молодец, догадливый. Только пусть снега будет уже побольше. Например, метр двадцать… Потом соревнующийся должен перелететь, держась за канат, с одной площадки на другую?

– Должен. А если слетит с каната, то упадёт в воду.

– В нашем же случае – в двухметровый снег! – развеселился Ёпрст. – Классная и козырная тема! Зарубежным лохам обязательно понравится. Как миленькие, сжимая в потных ладошках банковские чеки, выстроятся в очередь за лицензией… Наливай, Петров, ещё по пять капель!

После очередного алкогольного возлияния Лёха поинтересовался:

– Наши дальнейшие действия?

– У каждого – свои. В соответствии с должностными функциями и обязанностями, – надулся гордым мыльным пузырём заметно захмелевший Ёпрст. – Я займусь оформлением и получением Генеральной лицензии. А ты, дружок, отправишься обустраивать производственную площадку наших «Снегов, снегов».

– Куда отправлюсь конкретно? Сибирь-то, она большая и широкая. Практически бескрайняя…

– На место падения Тунгусского метеорита.

– На фига?

– «Тунгусский метеорит» – это международный бренд. Нельзя в таких делах – без бренда. Не выгорит.

– Сволочь ты, Костян! – объявил Лёха. – Гад законченный и хам трамвайный.

– Почему это?

– Потому, что Тунгусский метеорит упал – в начале двадцатого века – где-то в дикой Якутии.

– Ну, и что из этого?

– То, что Якутия – это гадкие и скучные болота, над которыми – в тёплое время года – вьются неисчислимые тучи вечно-голодного гнуса.

– А я что говорю? – притворно удивился Ёпрст. – Мол, пойди – первым делом – в магазин «Охота и рыбалка» и купи там дельный накомарник.

– Спасибо за заботу. Тронут.

– Пожалуйста. Короче говоря, уже послезавтра ты должен быть в Якутске. Возьмёшь в аренду вертолёт, вылетишь на место, осмотришься. Потом доставишь необходимые стройматериалы, наймёшь шабашников… Чего конкретно строить? Я тебя через недельку подробно проинформирую по мобильной связи. Деньги? Возьмёшь в кассе наличными. Миллионов десять-пятнадцать. Под отчёт, понятное дело… Стоп! Причём здесь – Якутск? Да и вся Якутия в целом? Путаник ты, Лёша Петров, каких ещё поискать. Тунгусский метеорит упал – в далёком 1908-ом году – на Среднесибирском нагорье. То бишь, на территории современного Красноярского края. Поэтому вылетать тебе из Москвы надлежит в славный город Братск. Оттуда – самолётом местных авиалиний – доберёшься до Усть-Илимска, где и арендуешь вертолёт…

Где-то громко и радостно прокричал петух.

– Будем расходиться, – решил Лёха. – Сейчас у Ангелов начнётся пересменок. Успеем вернуться в казармы.

– Ты так толком ничего и не рассказал, – возмутилась Ванда.

– Потом дорасскажу.

– Когда?

– Сегодня, после обеда. У Ангелов – в очередной раз – сломалась посудомоечная машина. Будут скликать добровольцев. Запишись. Лады?

– Лады. Спокойной ночи, Алекс.

– До встречи, Графиня…

Глава третья
Сны узников

Над «Чистилищем» повисла (царила, царствовала, властвовала?), чуткая предрассветная тишина. На востоке небо нежно алело. На западе неподвижно застыли светло-серые, длинные и слегка светящиеся облака, из которых – время от времени – вниз срывались совершенно бесшумные, изумрудно-зелёные зарницы.

– Чудны дела твои, Господи, – выйдя на крылечко кельи, зачарованно пробормотал епископ Альберт, высокий и костистый старикан. – Первый раз вижу, чтобы облака светились. К добру это? К худу? Не гневись, Владыка Небесный, на недостойного и глупого слугу своего. Всё и вся – в руках твоих крепких… Облака светятся? Знать, так надо. Покорно умолкаю…

Альберт развернулся и, слегка припадая на правую ногу, вернулся в келью – наступило время первой утренней молитвы.

Епископ удалился, а над «Чистилищем» продолжали – невидимым нимбом – плыть сны его обитателей. Сны цветные и чёрно-белые, отрывочные и полноценные, правдивые и обманчивые, героические и эротической направленности. Сны – великое и необъяснимое чудо. Лично я верю снам – как не верю самому себе…

Хану снилась весенняя степь – холмистая, нескончаемая, вольная, загадочная.

Хан, который в своём Мире являлся настоящим и полноценным ханом средней руки, неторопливо скакал – в окружении верных и многократно-проверенных воинов – по нежной весенней траве. Иногда под чёрными копытами гнедых и каурых коней тихонько поскрипывали мелкие камушки. Высоко в бездонном голубом небе висели почти неподвижные крохотные точки – могучие степные беркуты, высматривающие добычу.

С северо-запада долетел едва слышный тревожный гул.

– Что это такое? – насторожился Хан.

– Ерунда, – лениво и беззаботно зевнул сотник О-чой. – Наверное, стадо джейранов. Услышали цокот конских копыт и, наученные горьким опытом, решили откочевать за Белые холмы. Обычное дело.

– Думаешь?

– Уверен.

– Может, это лошадники?

– Не думаю. Откуда им здесь взяться? После разгрома в последней битве лошадники стали очень осторожными. Без веских причин они даже близко не подходят к Быстрой реке. А от этого места – до ближайшего речного брода – почти неделя пути. Согласен со мной?

– Согласен.

Путники замолчали. Далёкий гул стих.

«В степи не принято много говорить, – подумал Хан. – Здешняя тишина, она очень красивая. Хочется её слушать и слушать, не отвлекаясь на всякую ерунду…»

Тем не менее минут через десять он спросил:

– А как получилось, что все всадники разделились на «лошадников» и «конников»?

– Давно это было, – после короткой паузы откликнулся О-чой. – Много сотен Больших солнц тому назад… Монголы – после череды длинных и кровавых войн – одержали окончательную победу над другими народами. Великую Победу. Бледнолицые, черномазые, краснокожие, желтолицые, прочие – все они покорно склонили головы перед волей Великого Хана. Полная победа… Казалось бы, надо радоваться, беззаботно предаваясь хмельным возлияниям. Но тогдашний Великий Хан задумался, мол: – «А, что же дальше? Больших войн

больше не будет. Так, сплошные мелочи. То есть, лишь подавления всяких и разных бунтов. Хорошо это? Плохо? Скорее всего, смертельно опасно. Монголы – со временем – разленятся, зажиреют и утратят боевые навыки. И тогда другие народы, предварительно сговорясь и дождавшись подходящего момента, дружно ударят нам в спины. Начнётся безжалостная бойня. Будут разрушены все вековые устои. Мир умоется кровью…». Осознав эту страшную опасность, мудрый Великий Хан разделил всех монголов на «конников» и «лошадников», которым было строго предписано – на вечные времена – воевать между собой, не ведая пощады, жалости и милосердия. Чем «лошадники» отличаются от «конников»? Одни передвигаются верхом только на лошадях, другие – сугубо на жеребцах. Чем ещё? Больше ничем… Как бы там ни было, но решение прозорливого Великого Хана оказалось верным. Монголы до сих пор правят всеми землями нашей прекрасной планеты…

Вскоре отряд, состоящий из трёх сотен всадников, подъехал к первому из череды Белых холмов, на светло-сером склоне которого чернела прямоугольная дыра.

– Что это такое? – спросил Хан.

– Запретное место, – вяло передёрнул широкими плечами О-чой.

– Кто и когда запретил?

– Конечно, кто-то из Великих Ханов. Когда? В незапамятные времена. Ещё до Великой Победы.

– Почему туда нельзя ходить?

– Какая разница? Нельзя, и всё на этом. Закон такой.

Подумав, Хан торжественно объявил:

– Я залезу в чёрный провал!

– Нельзя же…

– Я слышу – в голове – зов. Мол, обязательно надо залезть.

– Зов – великое дело, – согласился О-чой. – Это, наверное, всесильные и многознающие Боги тебе советуют. Тогда лезь смело, без страха и сомнений… Один пойдёшь?

– Один.

– Иди.

Хан ловко соскочил с коня и, не оборачиваясь, начал медленно подниматься по склону холма. Обернуться-то очень хотелось, рукой помахать, заглянуть в глаза верным соратникам, но…

В голове навязчиво пульсировало: – «Иди вперёд, отважный хан. Иди и не оборачивайся. Обернёшься – засомневаешься. Засомневаешься – раздумаешь. Раздумаешь – не залезешь в чёрную дыру. Не залезешь в чёрную дыру – всю оставшуюся жизнь будешь жалеть, мучаясь от неудовлетворённого любопытства… Шагай, отважный хан! Шагай! Смелее!».

Чёрный прямоугольный провал оказался входом в пещеру.

– Солидно, – пробормотал Хан. – Запросто два всадника – бок о бок – могут проехать. А, вот, факела с собой я не захватил. Что теперь делать? Видимо, придётся, всё же, возвращаться назад…

Он – на всякий случай – заглянул внутрь. Заглянул и, облегчённо вздохнув, радостно улыбнулся – в пещере оказалось гораздо светлее, чем можно было ожидать.

«Это из-за жёлто-зелёных каменных прожилков, покрывающих пещерные стены», – решил Хан. – «Они, извилистые, слегка и светятся. Не густо, конечно, но идти вперёд можно…».

Касаясь ладонью правой руки шершавой стены, он медленно и осторожно зашагал по подземному коридору.

«Какой ровный, идеально-гладкий пол», – мысленно удивился Хан. – «Словно озёрная гладь в безветренную погоду. Как такое может?».

Вскоре с потолочного свода начали свешиваться уродливые тёмные наросты, которые приходилось – чтобы случайно не набить шишку на лбу – старательно обходить.

Неожиданно послышались странные заполошные хлопки, и над головой путника пронеслись – прохладным вихрем – непонятные чёрные существа. Сердце отчаянно рванулось вниз, к пяткам.

– Ничего страшного, – крепко вжимаясь спиной в каменную стену, заверил сам себя Хан. – Обыкновенные летучие мыши. Мне про них – в детстве – бабушка рассказывала…

Подземный коридор вывел его в просторный зал. Раздался громкий треск, и впереди вспыхнуло яркое пламя.

– Обыкновенный факел? – предположил Хан. – Только очень яркий?

Предположил, и потерял сознание.

Он – с огромной скоростью – летел по бесконечному чёрному коридору, в конце которого угадывалось крохотное светлое пятнышко. Перед глазами – навязчивой чередой – мелькали красно-жёлтые круги, фиолетово-сиреневые спирали и лимонно-зелёные молнии…

Сознание медленно вернулось. Вернулись запахи, звуки, мысли.

– Первый, здесь второй, – монотонно забубнил хриплый незнакомый голос. – У меня переселенец. Похоже, из степных дикарей. Повторяю, у меня – переселенец…

Хан открыл глаза и неуверенно огляделся вокруг. Он, прислонясь спиной к толстому шершавому пню, сидел на тёплой земле. Над головой тревожно и вдумчиво шумели ветви могучих деревьев. А метрах в десяти-двенадцати, на узенькой просеке, стоял незнакомый тип в светло-серой облегающей одежде. Тип, недоверчиво поглядывая на Хана, негромко бормотал в крохотную чёрную коробочку:

– Переселенец пришёл в себя. Присылайте вертолёт. Я нахожусь в квадрате «Бэ два, дробь двенадцать»… Вас понял. Жду…

Перед «внутренним взором» Жабы мелькали только отрывочные картинки – несгораемые громоздкие сейфы, высокие штабеля золотых слитков, толстые пачки денежных купюр, «соединённые» в кубические тюки и тючки всевозможных размеров.

«Это, скорее всего, банковское хранилище», – подумала Жаба. – «Причём, не просто банковское хранилище, а подземное хранилище моего личного банка… Как он назывался? Кажется, «Золото амазонок». Причём здесь – амазонки? А не при чём. Блажь такая мне однажды пришла в голову. Что в этом такого? Имею полное право! Банк-то мой, приватный… Ах, как же был хорош тот Мир, в котором я жила когда-то. Как хорош, честен и справедлив! Слов не подобрать. Не чета этому, «церковному» Миру… В моём Мире всё принадлежало банкирам. Всё-всё-всё… Конечно, были и всякие страны-государства. Только это ничего не меняло. Ровным счётом – ничего. Президенты всех стран выбирались сугубо по согласованию с банковской средой. То есть, из опытных, проверенных и заслуженных банкиров. А Миром – полноценно и всеобъемлюще – правил Высший Банковский Совет. И всё было хорошо, недовольных не было. Как, впрочем, голодающих и нищих. Все были безмерно счастливы… Конечно, существовали и некоторые ограничения. Например, численность населения планеты жёстко контролировалась. Во-первых, на рождение каждого ребёнка надо было получать специальное разрешение. Во-вторых, все дефектные и неполноценные особи подвергались физическому уничтожению… Но в этом, клянусь, не было ничего низкого и бесчеловечного. Обыкновенный прагматизм, направленный на всеобщее людское благо. Нельзя – с белоснежными перчатками на ладонях – построить гармоничное общество разумных гуманоидов. Как говорится, ничего личного, обыденная производственная необходимость… Как я попала в Мир «церковников»? По глупости, естественно, утратив элементарную осторожность. Решила, устав от дел праведных, то бишь, финансовых, немного отдохнуть. Зафрахтовала космический корабль, полетели. На Луне я пересела

в одноместный экскурсионный «челнок». Мол, покружу немного над лунными светло-жёлтыми пейзажами, поглазею на тамошнюю экзотику. Глядишь, Душа-то и оттает. Ну, хотя бы чуть-чуть… Пролетаю мимо широкого лунного кратера, а в голове зазвучало, мол: – «Миссис Браун, а не желаете ли – полюбоваться на кое-что по-настоящему интересное? Не пожалеете, честное и благородное слово. Честное банкирское слово…». Я, дурочка наивная, и купилась. Повернула джойстик управления в сторону, «челнок» и влетел прямо в жерло кратера… На этом, собственно, и всё. Лишь бесконечный чёрный туннель, в конце которого угадывалось крохотное светлое пятнышко. Перед глазами – навязчивой чередой – замелькали красно-жёлтые круги, фиолетово-сиреневые спирали и лимонно-зелёные молнии… Ну, будет сегодня сниться что-нибудь нестандартное и полезное? Похоже, что нет. Всё те же беспорядочные картинки – несгораемые громоздкие сейфы, высокие штабеля золотых слитков, толстые пачки денежных купюр, «соединённые» в кубические тюки и тючки всевозможных размеров… Может, стоит проснуться? Сходить в туалет, попить водички…

Варвар блаженно улыбался, так ему нравился сегодняшний сон.

Овальный кабинет Белого дома. Да-да, того самого, расположенного в Вашингтоне, округ Колумбия, по адресу: Пенсильвания-авеню, 1600.

В удобном кожаном кресле – за шикарным антикварным письменным столом с высокохудожественной палисандровой столешницей – восседает он, Варвар. Вернее, уважаемый Сэм Джонс, Президент Соединённых Штатов Америки…

Сэму хорошо и вольготно. Чуть слышно гудит мощный кондиционер. Слегка озонированный воздух свеж и прохладен. Отхлебнув из высокого бокала свежевыжатого апельсинового сока, он довольно вздыхает и забрасывает длинные ноги – в модных остроносых ботинках крокодиловой кожи – на стол.

Да-да, прямо на шикарную палисандровую столешницу! А, как вы хотели, братья и сёстры? Всё-таки, Президент США. То бишь, имеет полное право – чихать на всякие глупые условности и идиотские моральные нормы. Естественно, если поблизости нет коварных репортёров и журналистов. Вот, кого надо безжалостно линчевать, не обращая никакого внимания на возраст, пол и цвет кожи.

– Ничего, ничего, суки рваные, – шепчет Сэм. – Дайте только срок. И с этими скользкими гнидами разберёмся по полной программе. Но только потом. Через годик-другой…

Раздаётся тихий вежливый стук.

– Войдите, – торопливо снимая ноги со стола, разрешает Сэм.

Дверь плавно приоткрывается, и в кабинет входит Саманта Сойер – руководительница президентской Канцелярии.

«Милая мулатка тридцати пяти-шести лет», – думает Сэм. – «Стройная, ногастая. Полная грудь, того и гляди, порвёт ткань тоненького джемпера и вывалится наружу. Надо будет – обязательно и непременно – затащить эту смуглую цыпочку в койку. Только немного погодя, когда всё – в первом приближении – утрясётся… Если, зараза смазливая, откажет? Уволить к чёртой матери! С волчьим билетом в кармане! Только потом, чуть погодя…».

Вслух же он говорит совсем другое:

– Заходите, Саманта, заходите! Всегда рад видеть такую красивую и стильную женщину. Что у вас?

– Текст Указа, – смущённо отводя в сторону глаза, отвечает мулатка. – Того, который планируется к подписанию в следующий понедельник.

– Отлично. Давайте.

Сэм мельком просматривает текст: «Борясь за чистоту общественных нравов и устоев, ля-ля-ля… Все жители США, в жилах которых течёт менее двадцати пяти процентов «чёр-

ной» крови, подлежат высылке из страны в течение двух месяцев со дня подписания настоящего Указа. Ля-ля-ля…».

– Всё хорошо, – минут через пять-шесть объявляет Сэм. – Будем подписывать.

– Можно вопрос, господин Президент?

– Задавайте.

– А что будет дальше? В глобальном смысле, я имею в виду…

– В глобальном? – притворно хмурясь, переспрашивает Сэм. – За этим Указом последует Указ следующий. Не более того. Диалектика.

– Извините, но каково будет его содержание?

– Содержание? Наша страна будет объявлена мусульманской, посторонние церкви, соборы и храмы – подлежащими разрушению, а все иноверцы и атеисты будут высланы – на вечные времена – за пределы США… Я сказал США?

– Сказали, – тихим голосом подтверждает Саманта.

– Я, конечно, оговорился. Название мы тоже изменим. Как вам, милочка, такой вариант: – «Чёрные Соединённые Мусульманские Штаты Америки»?

– Отлично, господин Президент. Одобряю и приветствую.

Сём устало и длинно зевает:

– Э-э-э-э-э-э… Ещё одно дело, Саманта.

– Я слушаю, Господин Президент.

– Пусть через полтора часа подготовят к вылету мой президентский самолёт. Хочу немного развеяться.

– Куда предстоит лететь?

– На запад…

Картинка сновидения меняется.

Сэм, величественно сложив руки на груди, стоит на краю гигантской чёрной скалы, гордо нависающей над каньоном Большого Колорадо, красивейшей горной страны Северной Америки.

Таинственные голубые дали, бездонное ярко-синее небо над головой, пугающий чёрный провал под ногами, белый-белый, искрящийся – в предзакатных солнечных лучах – снег…

– Да, величественный пейзаж, – негромко произносит Сэм. – Завораживает до безумия.

Сзади раздаётся подозрительный шорох. Президент США, испуганно вздрогнув, оборачивается…

Нет, не так. Президент пытается обернуться, но не успевает – нога, предательски поскользнувшись, едет в сторону. Секунда, и уважаемый Сэм Джонс, безвольно раскинув руки в стороны, падает в бездну Большого Колорадо.

Бесконечный чёрный провал, в конце которого угадывается крохотное светлое пятнышко. Перед глазами – навязчивой чередой – мелькают красно-жёлтые круги, фиолетово-сиреневые спирали и лимонно-зелёные молнии.

– А-а-а! – не открывая глаз, громко и страшно – на всю казарму – заорал переселенец по прозвищу – «Варвар»…

Погрузившись в сон, Облом мысленно обрадовался: «Совсем другое дело! Снова чувствую себя полноценным и нужным человеком… И никакой я не – «Облом», а «Прокл» – Великий вождь вятичей. Ура!»

Впрочем, вятичи были «ненастоящими». Так, вот, получилось… Полыхнула-таки – безжалостным пламенем – Третья Мировая Война. Ядерная, атомная, нейтронная, бактериологическая – далее по бесконечному списку. Население планеты уменьшилось в сотни раз. Да, что там, в сотни. В тысячи и десятки тысяч раз… А те, кто выжил, были вынуждены

резко и навсегда поменять привычный жизненный уклад. Вятичи? Почему бы и нет, если все блага цивилизации навсегда остались в Прошлом? Легенды для того и существуют, чтобы – в нужный момент – «оживать»… Сотни две человеческих индивидуумов ушли – из разрушенного, отравленного и загаженного города – в уцелевшие дремучие леса. Ушли и стали вятичами. Охота, рыбалка, собирательство – всего и вся. Обустроились, отстроились, начали успешно размножаться. Время шло. Сменилось несколько человеческих поколений…

«Лично мне такая жизнь нравится», – подумал Прокл. – «Настоящим человеком чувствуешь себя. В том плане, что самостоятельным, сильным и полностью независимым от всяких важных и мутных козлов… Впрочем, никакой другой жизни я и не знал. Да и о развалинах городов только слышал. Мол, были когда-то на Земле – города, которые заселяли мутные и важные козлы…».

Они – по чуть заметной узенькой тропе – бодро двинулись на северо-запад, почти перпендикулярно по отношению к руслу широкой реки. Кто такие – они?

Отряд охотников. Приближалась суровая зима. Надо было прояснить ситуацию – в преддверии наступления полномасштабного охотничьего сезона – относительно свежих лосиных и кабаньих троп. Зимой, когда выпадут глубокие снега, поисками заниматься уже поздно и несподручно. Зимой надо охотиться. Причём, точечно и успешно. Если, конечно, хочешь дожить до ласковой весны…

Неожиданно тропинка, резко свернув на запад, зазмеилась вниз, и вскоре путники оказались в мрачном горном ущелье. Каменистые скользкие россыпи чередовались с болотистыми местами, где ноги почти по щиколотку тонули в мягком тёмно-зелёном мху. Часто приходилось перебираться через толстые, наполовину сгнившие стволы поваленных деревьев, перегораживающих тропу.

Когда красно-багровый тревожный закат уже догорал, Колун – самый молодой из охотников, нервно задёргав крыльями длинного носа, объявил:

– Запах изменился!

– А чем пахнет-то?

– Э-э-э…, незнакомыми цветами и ужасной древностью…

– Мы уже почти пришли, – сообщил Прокл. – Видите, низенькие холмики, густо поросшие пожухлой травой? Это первые керсты[1]…

– Керсты? – испуганно охнул Колун.

– Ага. Это старинное кладбище. Осталось ещё с далёких довоенных Времён.

Вскоре рядом с низенькими травянистыми холмиками появились и солидные каменные плиты, щедро испещрённые загадочными письменами и искусными рисунками.

– Колодец! – обрадовался Прокл.

– Он без воды, – через минуту известил Колун. – Заброшенный…

– Плохо. Тогда поищем другое место для ночлега.

Отойдя в сторону от древних могил, они нашли подходящую ровную площадку, рядом с которой из земли бил крохотный родничок с хрустальной водой.

– Ночуем здесь, – решил Прокл.

Вскоре запылал яркий весёлый костёр, над которым был подвешен мятый бронзовый котелок. После нехитрой трапезы вятичи, определившись с графиком ночных дежурств, расстелили на земле походные войлочные кошмы и завалились спать.

Проклу выпало дежурить одним из последних, перед самым рассветом. Вокруг уже начало сереть. Заметно похолодало. С веток деревьев бойко закапали крупные капли росы.

Он сидел на толстом берёзовом чурбаке – в двух метрах от костра и, опираясь на массивное копьё, рассеянно наблюдал за медленно тухнущими ночными звёздами.

[1] Керста – могила (славянский яз.)

– Почему их не видно днём? – задумчиво бормотал Прокл. – Может, они – совсем, как люди – тоже ложатся спать? Закутываются в «звёздные» одеяла и, не ведая сомнений, дрыхнут? А, может…

Не закончив фразы, он потерянно замолчал, чувствуя, как по спине – ледяной стаей – резво побежали мелкие мурашки, а мышцы плеч и груди непроизвольно напряглись и закаменели.

«Кто-то пристально смотрит мне в спину!», – обомлел Прокл. – «Кто-то очень большой, страшный и кровожадный…».

Чувствуя, что всё тело сковано цепями животного ужаса, он с большим трудом – плавно и медленно – повернул голову в сторону кладбища и чуть не потерял сознание. На него, не мигая, пристально смотрели два жёлто-янтарных глаза-плошки, украшенные чёрными вертикальными зрачками.

«Гигантская кошка», – вяло подумал Прокл. – «Чуть в стороне, жадно и плотоядно облизываясь, сидит вторая. Это они, смилодоны. То есть, потомки тигров, сбежавших из городского зоопарка. Вернее, потомки тигров-мутантов, подвергшихся когда-то облучению…».

Раздался оглушительный рёв, обещавший лютую смерть. Прокл, преодолев вязкую слабость, вскочил на ноги и, отбросив бесполезное копьё в сторону, побежал.

Он, что было мочи, бежал, а в голове размеренно шелестело: – «Бесполезно, братец. Всё равно догонят и разорвут на части. Догонят и разорвут. Впрочем… Колодец! Он же узкий, смилодону в него не пролезть. Застрянет… Наддай! Ещё!».

Сзади раздавался чей-то яростный и голодный хрип. Или это так разыгралось испуганное воображение? У страха, как известно, глаза велики.

Прокл – из последних сил – добежал до колодца и, не раздумывая, сиганул вниз…

Бесконечный чёрный туннель, в конце которого угадывалось крохотное светлое пятнышко. Перед глазами – навязчивой чередой – замелькали красно-жёлтые круги, фиолетово-сиреневые спирали и лимонно-зелёные молнии.

– Зато в живых остался, – не открывая глаз, расслабленно прошептал переселенец по прозвищу – «Облом».

– И хмурое утро – нам всем – навеет чудесные сны, – засыпая, прошептал Лёха.

А ему приснилась Ванда. Причём, в неглиже.

«Ничего себе! – подумалось. – Нимфа, одно слово! А какие ноги? О, Боги мои, пощадите! Молю. Неплохо бы её, графиню благородную, того самого. Да много-много раз, удержу не зная…»

Глава четвёртая
Будни узников

– Лёха, просыпайся. Просыпайся, друг. Ну, пожалуйста, – надоедливо забубнил в ухо чёй-то смутно-знакомый голос. – Уже сигнал был. Мол, подъём, побудка… В карцер, морда белобрысая, захотел?

«Смутно-знакомый голос? – задумался Лёха. – Э-э-э, м-м-м, блин перепечённый… Это же Хан, мать его степную! Морда узкоглазая. Узкоглазая, но честная… Удивительно, как похож – физиономией – на Жигдэрдемидийна Гурраччагу. Кто такой – Жигдэрдемидийн Гурраччага? Глупый вопрос! Первый монгольский космонавт, ясная летняя зорька… Как такое может быть?».

– Значит, дурака настроен валять? – загрустил Хан. – Карцер светит, понятное дело. Не хочется. Там больно делают. Ногти вырывают с корнем. Зубы выбивают. По ногам лупят – мешочками, туго набитыми речным песком – почём зря… Оно мне надо?

– Не надо, – не открывая глаз и блаженно улыбаясь, подтвердил Лёха. – В чём же тогда дело? Иди вместе со всеми – по нежной утренней росе – радуясь ласковому утреннему солнышку. Ну, и добрейшим Ангелам, понятное дело…

– Не пойду.

– Почему?

– По кочану, как ты любишь говорить. Хотя, я не знаю, что это такое – «по кочану».

– Так и иди.

– Не пойду.

– Почему?

– По кочану. Я твой друг.

«Придётся вставать, – понял Лёха. – Иначе не отвяжется. Друг степной. Друг, одно слово…»

Будь он один, то и проблем никаких не было бы. Никаких… Дежурные Ангелы? Хрень несерьёзная, глупая, детская и смешная. Отмазался бы – как добрый вечер. Типа – дерьма пирога. Стишок бы зачёл какой. Здешние Ангелы, они падкие – на глупые и сентиментальные стишки.

Вот, к примеру:

Две судьбы – в тот поздний вечер —
Познакомились с разлукой.
И пеняли всё на ветер – так легко.
Две струны – так нежно ныли,
Перебарывая скуку,
И печаль летела в небо – высоко…

Две струны – как добрый вечер,
Что порой нам только снится.
И на небе – словно флаги – облака.
Две струны – так грустно ныли,
Как капризная девица,
Что вздыхает на пороге – иногда…

Две пустых пивных бутылки,

Вот, и всё – закончен вечер.
Ночь – хрома и одинока – вновь пришла.
И зима – вновь прибежала,
А любовь, расправив плечи,
Улетела, растворилась – навсегда…

Вроде бы – ерунда полная, ерундовая. Ерунда? Как сказать. Ангелы и про пиво-то ничего толком не знают, но – при этом – слушая, плачут… Ерунда ерундовая, полная…

Короче говоря, будучи в единственном числе, он – сто двадцать пять процентов из ста – отговорился бы, мол: «Извиняйте, добрейшие и милейшие Ангелы! Как же я вас, чистых и правильных, обожаю… Не успел к общему построению. Виноват. Бывает. Каюсь. Отработаю. Отмолю… Хотите, я вам – за мягкое и справедливое отношение – стишок зачту? Тема, гнилой осиновый пенёк, ваша. Заказывайте, твари сердечные. Дружбаны вы мои червовые…».

И заказали бы, и отработал бы. Дело-то, честно говоря, не хитрое. Твою беспутную и развратную мать.

Так, нет же, Хан, откуда не возьмись, навязался. С ним, сердешным, ничего не получится. Почему – не получится? По октябрьскому капустному кочану, рачительно загруженному на склад псковской многопрофильной овощебазы. Больно, уж, морда узкоглазая, прямолинеен и своеволен. Да и с юмором совсем не дружит. Но – друг. Настоящий, проверенный, правильный, степной…

Прогнав – усилием воли – серую муть, Лёха, качнувшись всем телом, слетел с кровати.

– Как это у тебя получается? – в сто первый раз удивился Хан. – Раз, и половину казармы перепрыгнул. Не понимаю…

– Я тоже многое не понимаю, – старательно выполняя стандартные махи руками-ногами, откликнулся Лёха. – Особенно – про местных лошадей. Когда они тебя, морда, видят, то создаётся такое устойчивое впечатление, что готовы отдаться – в любой момент…

– Ну, не знаю… Кому – отдаться?

– Тебе, морда узкоглазая.

– Ну…

– Баранки ярмарочные усердно и трепетно гну. Чтобы на сезонной ярмарке лучше продавались. Более того. Иногда, судя по твоим диким степным глазам, можно предположить…

– Что – предположить?

– То, что и ты не прочь.

– Не прочь – что? Чего?

– Не прочь – поиметь парочку молоденьких кобылок… Ха-ха-ха! Не обижайся, пожалуйста. Я просто пошутил.

– А я и не обижаюсь. Поимел бы. Причём, особо не раздумывая и с отменным удовольствием. Старинная монгольская традиция, однако…

– Вашу мать, переселенцы! – в дверном проёме появилась светло-серая фигура дежурного Ангела. – До построения осталось полторы минуты. Поторопитесь!

– А чего это Ангел поминает – всуе – чью-то мать-старушку? – брезгливо передёрнув плечами, удивился Лёха. – Мудак, что ли? Мы же, блин витаминный, обязательно стукнем господину епископу. Причём, лично, старательно, и ничего не скрывая. Типа – ближайшая встреча назначена на послеобеденное сытое время…

– Обязательно настучим, – решительно подтвердил Хан. – Как последние гнилостные суки… Ты, брат, новенький?

– Новенький, – сознался Ангел, чьё лицо было спрятано за стандартным шлемом-маской.

– Ещё раз скажи. Пожалуйста.

– Ну, новенький…

– Откуда берут таких добросердечных недотёп? – показушно удивился Лёха. – Надо рявкнуть в ответ, мол: – «Всем лечь на пол! Стреляю без предупреждения! Лечь, говнодавы дешёвые! Кому, так его и растак, сказано? А длинные языки, на раз, запихать в жирные задницы! Считаю до трёх! Дальше, мать вашу, не умею. Извините. Один, два…». А после этого – мочить, мочить и мочить! Каблуком уставного ботинка – по наглым и самодовольным рожам. Дабы показать, кто является в «Чистилище» полновластным и строгим хозяином… Чего непонятного?

– Всё понятно, – торопливо подтвердил Ангел.

– Охренеть…

– Ты, Хан, совсем фишки не рубишь, – хмыкнул Лёха. – Учишь тебя, узкоглазого, учишь. Всё – без толку. Степной урод, короче говоря. Полный урод и законченный…

– Вы нарушаете шестой и седьмой пункт лагерного Уложения, – дрогнув голосом, заявил Ангел. – Я буду вынужден…

– Вынуждена.

– Что? – непонятливо переспросил Хан. – Как это – вынуждена?

– Так это. Перед нами – девица.

– Что такое? – возмутился Ангел, бестолково шаря ладошкой по кобуре с лазерным пистолетом. – Да я…

– Молчать! – распорядился Лёха. – Эта девица, брат степной, уже давно на тебя посматривает с вожделенным пиететом. С самого вчерашнего утра. Ангелом буду.

– С пиететом? Это как? – уточнил непонятливый Хан.

– Ну, хочет, чтобы ты, морда узкоглазая, стал её тайным любовником. То бишь, пылким и неутомимым тайным любовником. Правильно я говорю, мадам?

– Не правильно! – снимая с головы чёрный шлем, обиделся Ангел. – Я по-честному…

«Однако», – мысленно восхитился Лёха. – «Вполне симпатичная девица. Стройная, черноволосая, коротко-постриженная. Глаза чуть вытянутые, фиолетовые такие, доверчивые. Прямо как у экзотических горных лам, обитающих в таинственных и суровых Кордильерах. Не обязательно, что только в горах… Есть такой роман. Такой, слов нет… Нет, да и быть не может. Называется – «Город и псы». Автор – Марио Варгас Льоса, перуанец. Если, конечно, я правильно запомнил… Какая вещь! Какая замечательная, правильная и бесподобная вещь! Кто не читал «Города и псов» – дурак тот. Дурак, сволочь, тварь, пэдораст, недоносок и последний подонок. Ладно, проехали… О чём это я, то бишь?».

Выяснилось, что он – в данной нестандартной ситуации – является третьим лишним.

Хан о чём-то заинтересованно шептался с черноволосой «церковницей». Или же это она с ним – шепталась? Сложный вопрос. Риторический и практически неразрешимый…

– А когда целоваться начнём? – меланхолично поинтересовался Лёха. – Всё к этому, судя по всему, и идёт.

– Тебя забыли спросить, – откликнулся Хан. – Пшёл…

– Греби отсюда, пёс, – посоветовал (посоветовала?), Ангел. – Пока цел. Гнида подзаборная…

– Как скажете, милые друзья. Без вопросов.

Неторопливо пройдя между длинных рядов двухъярусных коек – до распахнутых входных дверей – он обернулся.

Обернулся, и мысленно восхитился: «Действительно, целуются, морды! Да, ещё как, мать моя! Типа – с самым серьёзным продолжением… И чего, интересно, «церковница»

нашла в нашем Хане? Низенький, кривоногий, желтолицый. Шансов пройти на третий уровень – ноль. Никто ещё из диких степняков даже второго уровня никогда не проходил. Всех забирали, типа – в расход. Хотя… Что – хотя? Не наше дело. Двигаем. В том плане, что бодро и весело шевелим недозрелыми помидорами… Недозрелыми? А, то! Зрелых, вообще, в природе не существует. А перезрелые, они сугубо в гробу. Типа – с белыми пафосными наконечниками…

На выходе из казармы его попытались остановить. В том плане, что какая-то мерзкая падла, облачённая в светло-серый комбинезон, небрежно прохрюкала:

– Стоять! Кто такой?

– Из попы – твоей кривоногой жёнушки – перезрелый гной, – презрительно откликнулся Лёха.

– Что?

– Через левое плечо! Для кого, боец, Уставы писаны? Для тупых чертей из придуманного Ада? Молчать, тварь охреневшая! Как должно спрашивать у неизвестного? Мол, пароль-ответ? Где – при этом – должен находиться пистолет? Почему вторая рука не сжимает рацию? Отвечать, когда спрашивают!

– Да, я…

– Головка от межзвёздной ракеты «Заря»… Кто таков? Изволь, разгильдяй, представиться по всей форме! Ну?

– Богомил Радов, сержант второй роты специального батальона имени «Святого Августина»! – ожидаемо вытянулся в струнку Ангел.

– Богомил, понимаешь, – начальственно поморщился Лёха. – Смех не смешной… Вольно, боец. На первый раз прощаю. Так и быть. Свободен… Стоять! Изволь, боец, сообщить епископу Альберту, что с ним хотят поговорить.

– Кто – хочет поговорить?

– Я.

– Э-э-э…

– Алексей Петров. Старший по второму мужскому бараку переселенцев. Въехал, родимый?

– Так точно. Доложу.

– Молодец. Свободен… Впрочем, можешь не утруждаться.

– Почему?

– Епископ сам всё скоро узнает, – Лёха – поочерёдно – ткнул пальцем в ближайшие три камеры видеонаблюдения. – Доложат, твари…

На плацу проходила стандартная утренняя зарядка. Переселенцы были построены в компактные группы – так, чтобы обитатели разных бараков не могли общаться между собой.

– Бодрей, веселей, чётче! – звонко – через мегафон – командовал Ангел, отвечавший за физическую подготовку переселенцев. – Машем ногами, машем. Активнее! Выше! Усерднее! Нашему Создателю нужны только здоровые и бодрые слуги. Способные рьяно трудиться и создавать реальные материальные ценности… А что ждёт слабосильных хиляков и наглых лентяев? Куда их всех, сволочей, отправят? Отвечать!

– В расход! – дружным хором, не прекращая вразнобой махать ногами, ответили переселенцы.

– Молодцы! Переходим к отжиманиям! Не сачковать, переселенцы! Грудью касаемся земли! Грудью, а не выпуклыми и жирными животами… Переселенец Капуста!

– Я!

– В карцер захотел?

– Никак нет!

– Упал, отжался. Ещё, ещё, ещё… Теперь приседания… Молодцы! Снова машем ногами! Выше! Активнее! Усерднее!

Лёха, дождавшись подходящего момента, посмотрел направо, где занимались спортивной подготовкой обитательницы женских казарм «Чистилища».

«Какая же Жаба неуклюжая! Описаться можно – от гомерического смеха», – доложил насмешливый внутренний голос. – «А, вот, и наша симпатичная Графиня. Эстетичная, надо признать, картинка. В том смысле, что здорово у неё получается – ногами махать. Стройными и длинными, блин горелый, ногами. Неплохо было бы её – того самого. Да, много-много раз подряд, удержу не зная… Кстати, братец, меня тут терзают смутные и навязчивые сомнения – относительно аристократичности происхождения данной ногастой особы. Почему, спрашивается, терзают? Не знаю, честно говоря. Смутные и навязчивые ощущения, не более того… Папа – бургундский граф? Мама – итальянская маркиза? Бабушка – польская потомственная дворянка? Ну-ну. Откровенным перебором попахивает… А, как это можно проверить? Получается, что никак…»

На завтрак переселенцам были предложены говяжьи сосиски с варёными бобами и зелёным горошком.

– Всего две сосиски на брата? – обиделся прожорливый Капуста. – Позавчера было по три. Жадные и меркантильные сволочи… А почему кофе такой жидкий и совсем несладкий?

– Молчать, быдло переселенческое! – велел проходящий мимо дежурный Ангел. – Ещё одно замечание в адрес Администрации, и отправишься в карцер. Недели на полторы. С ежедневной поркой.

– Виноват, исправлюсь, – истово заверил Капуста, а когда Ангел удалился, продолжил ворчать: – А бобы, так его и растак? Почему они такие мелкие и жёсткие? А?

– Ну, по бобам ты у нас дока, – вяло кусая толстую сосиску, хмыкнул Лёха. – Фермер, одно слово. В сотом поколении.

– Конечно, фермер. В моём Мире все были фермерами.

– Серьёзно? Не врёшь?

– Ангелом буду, – побожился Капуста. – Закон такой был принят. Мол, каждая семья обязана сама себя обеспечивать овощами и фруктами.

– А, как данный момент контролировался?

– Элементарно. В магазинах и на рынках овощи и фрукты не продавались. Совсем. Без исключений. Ну, и законопослушные соседи, понятное дело, старательно и охотно стучали друг на друга.

– Хитры вы, фермеры.

– А, то! – загордился Капуста и, озабоченно кивая щекастой головой на Хана, уточнил. – А что это с нашим степным дикарём? Сидит, как в воду опущенный. Не кушает…

– Как стукнутый из-за угла пыльным мешком, – уточнил Лёха. – Сексуальным мешком, ясная кладбищенская ночка… Эй, морда узкоглазая, очнись!

– А? Что? – дурашливо завертел лохматой головой Хан. – К епископу вызывают? Ему уже всё известно? Лана позабыла отключить в казарме камеры видеонаблюдения?

– Трижды сплюнь через левое плечо, – добросердечно посоветовал Лёха. – И по дереву, обязательно, не забудь постучать. Хотя бы, вот, по столу.

– Тьфу, тьфу, тьфу! Стук, стук, стук!

– Молодец, морда.

– Узкоглазая морда.

– Вдвойне – молодец. Хвалю… Значит, говоришь, Лана?

– Ага.

– Хорошее имя. Глаза – как у трепетной и пугливой горной ламы. Зовут её, милочку, Лана… Повезло тебе, степной дикарь.

– Повезло – у кого петух снесло, – смущённо отводя глаза в сторону, сообщил Хан, после чего добавил: – Извини, брат.

– За что – извини?

– Не пойду я с тобой.

– Лана не велит?

– Не велит. Да теперь я и сам, честно говоря, не хочу. Совсем.

– После разнузданного и продолжительного сексуального акта? – обидчиво прищурился Лёха.

– Не знаю, про что ты говоришь. Но не пойду. Прости.

– Бог простит. Если, конечно, захочет… Ещё одна деталь. У тебя, морда узкоглазая, на шее теплится свежий засос.

– На жёлтой, морщинистой и поганой шее…

– Правильно всё понимаешь. Обвяжи чем-нибудь. Мол, простыл. В горле, мол, першит.

– Спасибо, брат. Обвяжу… Но с тобой не пойду. Здесь останусь. С Ланой. Извини.

– О чём это вы говорите? – заволновался невыдержанный Капуста. – Неужели, о побеге?

– Пшёл в жопу, фермер хренов, – посоветовал Лёха. – За языком смотри, уродина жирная. Хотя бы иногда.

По залу столовой пробежал тревожный шепоток:

– Старший Ангел идёт. Старший Ангел…

– Не понял, – заторможено пробормотал Хан. – Я же и по дереву стучал. И через левое плечо – плевал… Как же так, ребята? Слабо стучал? Не от души плевал?

– Не переживай, узкоглазый брат, раньше времени, – вздохнул Лёха. – Это, скорее всего, не по твою степную душу.

– А, по чью?

– Скоро узнаем…

К их столу – уверенной несуетливой походкой, крепко сжимая в ладони правой руки чёрную лазерную «пушку» – приближался высокий мужчина в светло-сером комбинезоне. На левом плече комбинезона красовались две красно-кровавые лычки.

– Переселенец, именующий себя – «Лёха»? – надменным голосом, демонстративно глядя в сторону, поинтересовался старший Ангел.

– Ага, я.

– Встать, когда с тобой разговаривает старший Ангел!

– Ну, встал.

– Без «ну».

– Встал. А «ну» в задницу запихал. Ближайшему соседу.

– На выход, с вещами.

– Ничего не получится, – смущённо шмыгнул носом Лёха. – Извините покорно, ваше благородие.

– Что?

– Толстый болт – через хилое плечо. В том смысле, что вещей – при себе – не имею. Извините.

– Шкура, – уважительно процедил старший Ангел.

– А, то! – вмешался в разговор легкомысленный Капуста. – Он у нас такой. Отважный и смелый…

– Молчать!

– Слушаюсь.

– За мной, переселенец Лёха, – недовольно вздохнув, приказал старший Ангел. – И попрошу – без глупостей.

– Есть, без глупостей!

Глава пятая
Ванда. Ретроспектива 02. Еврейское гетто

Еврейское гетто под Варшавой. Колючая ржавая проволока над высоченным обшарпанным забором, беспросветная нищета, тускло-жёлтые звёзды на рукавах. Грязь, унижения, стыд, застарелая вонь. Навязчивая головная боль по утрам, желудок – с самого детства – сморщенный от хронического голода. Страх, живущий в тебе с самого рождения. Иногда казалось, что страх – живое существо. Сидит себе внутри тебя, ест, пьёт, испражняется. А, главное, постоянно растёт, пухнет, расширяется – словно бы стремится захватить весь твой юный организм…

Придумала она всё – и про бургундского папу-графа, и про итальянскую маму-маркизу. Бабушка? Да, старушка была родом из Варшавы. Только к польскому дворянству она не имела ни малейшего отношения, так как была потомственной еврейкой – чуть ли не в двадцать пятом поколении. А саму Ванду звали, вовсе, и не «Вандой», а гордым еврейским именем – «Рива».

А, что в этом такого? Имя – как имя. Многим нравится…

Отца и матери Рива не знала, они – по словам любимой бабушки – погибли через парутройку лет после рождения единственной дочери. Погибли? Ага, отправились в местную газовую камеру – при очередном обыске у отца нашли какую-то запрещенную литературу. Бывает. Обычное дело…

В Мире, где жила Рива, победил фашизм. Победил, уверенно выиграв Вторую Мировую войну. Так получилось, что немецким учёным удалось первыми создать атомное оружие. Гитлер долго не раздумывал. Бомбы с урановой начинкой принялись – с немецкой природной педантичностью – сбрасывать на города противника. Москва, Ленинград, Сталинград, Лондон, Манчестер, Бирмингем… Потом, чуть погодя, пришла очередь Нью-Йорка и других прибрежных городов США. Война была выиграна Германией. Планета оказалась под полномасштабной властью фашистов. То бишь, под фашистским суровым игом.

Что было дальше? Рива толком не знала. Она родилась через много лет после окончания войны. Причём, в еврейском гетто, отгороженном ржавой колючей проволокой от «избранных». Радио и телевидения в гетто не было, значит, отсутствовала и полноценная информация о внешнем Мире. Так, только сплошные сплетни и мутные слухи.

Откуда они брались-появлялись эти сплетни и слухи? Конечно же, от местных проституток («девушек», как было принято говорить), которых – время от времени – вывозили из гетто. Для чего вывозили? Естественно, для полноценного обслуживания храбрых немецких солдат, истосковавшихся в полевых лагерях без женской горячей ласки. Или немецких полицейских. Или немецких пожарных… Какая разница? Правильно, никакой…

Риву в гетто не любили. Почему? Наверное, из-за её приметной внешности – тонкие породисты черты лица, светлые, слегка вьющиеся волосы, огромные серые глаза с загадочной и таинственной поволокой.

– Графиня! – угрожающе размахивая руками, в ладонях которых были зажаты камни и палки, кричали ей вслед худые и чернявые соседские мальчишки. – Графиня хренова!

Впрочем, камни и палки мальчишки никогда не пускали в ход, так как опасались бабушку Ривы. Сару Моисеевну в гетто считали ведьмой. Она умела снимать порчу, отводить сглаз и, наоборот, насылать проклятья. Ну, и всякое другое – по мелочам…

– Бабуля, а почему я не такая, как все? – спрашивала маленькая Рива.

– Мамочке своей за это скажи спасибо, – не моргнув глазом, отвечала старушка. – Она, ведь, «девушкой» работала. Иногда выезжала в город. Вот, видимо, и познакомилась – между делом – с дельным мужичком из благородного сословия.

– Значит, мой папа – не был моим настоящим папой?

– Выкинь, девочка, из головы всякие глупости. Ерунда это всё… Главное, что тебе повезло. Очень – повезло.

– Почему – повезло? – не унималась Рива.

– Видимо, тот господин был не только благородным, но – при этом – и очень упрямым.

– И, всё-таки. В чём – мне повезло?

– Женская красота – в нашем суровом и грязном Мире – дорогого стоит, – печально вздыхала старушка. – Потом, когда повзрослеешь, пойдёшь работать «девушкой». Крышу подлатаем, чтобы не протекала. Пол перестелем. Поменяем оконные рамы и двери… А ещё, девонька, береги до этого момента – пуще зеницы ока – девственность природную.

– Для чего – беречь?

– Для того, чтобы потом продать подороже. В нужный момент, конечно. Когда нужда – окончательно – прижмёт.

Все эти разговоры Риву совершенно не смущали. Такой жизнью жило всё гетто. Дело-то, как говорится, насквозь житейское.

«Разве бывает по-другому?», – думала девочка. – «Если и бывает, то, наверное, только в толстых и потрёпанных книжках, которые остались от папы и мамы. Это там «живут» благородные графы, отважные герцоги, светлые короли и гордые маркизы… Сказки, понятное дело. Слезливые и милые сказки о добре и о вечной любви, которых – на самом-то деле – нет, да и не было никогда. Никогда – не было. Сказки…».

Тем не менее, она каждую свободную минуту посвящала чтению – о загадочном и благородном Мире Средневековья.

Когда Риве исполнилось одиннадцать лет, бабушка отвела её в швейную мастерскую и велела:

– Обучайся, внученька. Каждый человек обязан освоить какое-нибудь дельное ремесло.

– Зачем? – удивилась Рива. – Я же буду работать «девушкой». А им очень хорошо платят. Гораздо больше и лучше, чем швеям и портнихам.

– Молодость – вместе с красотой – быстро пройдёт. И заметить не успеешь, как это случится. Кушать же надо всегда… Наступит день, когда ты уже не сможешь работать «девушкой». Почему – не сможешь? Разочарованные клиенты отвернутся, сутенёр прогонит. Мало ли… Что тогда будешь делать? От голода помирать? А тут – настоящее ремесло в руках. Опять же, кушать надо и сегодня, и завтра. В «девушки» же тебе идти только лет через пять. Или, допустим, через четыре…

Незаметно пролетело четыре с половиной года. Рива стала опытной и искусной швеёй, специализирующейся на женской верхней одежде – жакеты там всякие, блузки, юбки, кардиганы.

Бабушка, смущённо щурясь, начала икать богатого и щедрого покупателя на внучкину невинность.

«Скорей бы это случилось», – мечтала Рива. – «Стану взрослой, начну зарабатывать серьёзные деньги. Сделаем с бабулей в доме ремонт. Начнём питаться – как люди. Надоела уже эта чечевица. Бобы надоели. Как, впрочем, и ржаной хлеб с отрубями… Может, потом и замуж выйду. «Девушки» в гетто считаются завидными, престижными и богатыми невестами…».

Продать невинность не получилось. По той весне в гетто проводились полномасштабные обыски – искали всякий и разный компромат, говорящий о нелояльности евреев к немецким властям.

В их скромный домишко ввалилось сразу пять военных (или – полицейских?).

– О, какая гладкая краля! – обрадовался широкоплечий и усатый оберштурмбанфюрер. – Это мы удачно зашли! Очень – удачно…

– Пощадите! Не губите! – взмолилась Сара Моисеевна, но, получив пудовым кулачищем по лбу, упала на пол.

Бабушка потеряла сознание, а немцы – дружно и весело – набросились на Риву.

Они развлекались с ней часов шесть, пропустив через стандартный – для того Мира – секс-репертуар. Впрочем, откровенных извращений вояки себе не позволили.

Когда немцы, оставив на комоде несколько мятых купюр, ушли, Сара Моисеевна подытожила – с философскими нотками в голосе:

– Что же, могло быть и хуже. Главное, что в живых остались. Не переживай внучка. Дело-то житейское.

– Житейское, – жалобно всхлипывая, подтвердила Рива.

Подтвердить-то подтвердила, только… После пережитого скотства в её Душе, словно, «сломалось» что-то важное. Все мужчины теперь казались ей гадкими монстрами. То есть, бессердечными и ужасными подонками. Бездушными кровожадными чудищами и законченными уродами.

Так и не пошла она работать «девушкой». Хотела, но – не смогла. Так и осталась швеёй. Бывает…

Конечно, изредка приходилось оказывать сексуальные услуги всяким важным мужчинам. Без этого в гетто не прожить. Поселковый староста выдавал (или же не выдавал), продуктовые карточки и талоны. Инспектор «по нравственности» мог – по своему произволу – внести в списки кандидатов на посещение газовой камеры. Ну, и так далее.

Впрочем, Рива – как женщина – популярностью в гетто не пользовалась.

– Холодна больно, – шептались между собой важные и серьёзные мужчины. – Натуральное брёвнышко ледяное…

Потом заболела бабушка.

– Плохи дела, – равнодушно сообщил старенький лекарь с разлапистой жёлтой звездой на рукаве замызганного бело-серого халата. – Поджелудочная железа воспалена. Рак. Помрёт Сара через месяц. Может, и раньше.

– А, лекарства? – спросила Рива. – Неужели нет никаких хороших лекарств, могущих помочь?

– Есть. Как не быть? – хитро прищурился лекарь. – Но… Знаешь, сколько они стоят?

– Сколько?

Названная сумма была огромной.

«Это больше, чем можно выручить от продажи нашей халупы», – подумала девушка.

Подумала и отправилась к священнику отцу Сандино.

Когда-то давно, в гетто имелась и католическая церквушка, и маленькая еврейская синагога. Но, как-то так получалось, что большинство людей, посещавших синагогу, со временем оказывались в газовой камере. Синагога потихоньку захирела и закрылась, а католическая церквушка, наоборот, процветала. «Процветала», это в том плане, насколько данный термин может быть приемлем для реалий еврейского зачуханного гетто.

Про отца Сандино – уже лет пятнадцать – ходила дурная молва. Говорили, что он является извращенцем, маньяком, вампиром-кровопийцей и вечно-голодным людоедом.

Поэтому Рива ничего не рассказала бабушке о своих планах, так как знала, что старушка будет категорически против.

Священник, выслушав просьбу, сообщил:

– Что же, раба Божья, пожалуй, я помогу тебе. Сумма, конечно же, велика. Но Бог учит нас – помогать ближним. Не так ли?

– Вы правы, отче, – скромно потупив взор, ответила Рива. – Все люди должны помогать – по мере скудных сил – друг другу.

– Правильно. Значит, и ты мне поможешь, раба Божья?

– Помогу, отче. Всё, что скажете.

– Точно – всё?

– Всё-всё-всё.

– Это очень хорошо, – повеселел отец Сандино. – Приходи, девонька, в полночь. Сюда приходи, в церковь. Только никому не говори про это.

– Не скажу. А, деньги?

– Утром, раба Божья, утром… Придёшь?

– Приду.

Конечно, ей было страшно. Очень-очень страшно, по-настоящему. Даже пальцы рукног заледенели и отказывались шевелиться.

– Не убудет, в конце-то концов, от меня, – бредя сквозь ночную черноту к церкви, тихонько шептала Рива. – Перетерплю, а потом всё забуду. Обязательно забуду. Зато бабушка выздоровеет… Ну, не съест же он меня? А, вдруг, съест? Страшно-то как, мамочка моя…

В церкви – на каменной подставке, установленной рядом с алтарём – горела одинокая, но очень яркая свеча.

– Пришла? – вкрадчиво спросил хриплый властный голос.

– Пришла, отче, – чувствуя, как по спине побежали крохотные ледяные мурашки, ответила Рива.

– Подойди, раба Божья.

Лицо отца Сандино было белее январского снега, а чёрные зрачки глаз увеличились раз в тридцать-сорок – по сравнению с обычным состоянием. Одет священник был в бесформенный чёрный плащ. Две верхние пуговицы плаща были расстегнуты.

«Какая же у него лохматая грудь! – мысленно испугалась Рива. – Словно медвежья шкура. И, скорее всего, под плащом он голый… Ладно, всё перетерплю. А потом – обязательно – забуду. Обязательно…»

– Вот деньги, – священник показал пухлый бумажник. – Кладу в карман плаща. Видишь?

– Вижу.

– Утром отдам его тебе. Если, конечно, будешь послушной и правильной девочкой… А теперь бери свечу и ступай за мной.

Серебряный подсвечник был очень холодным, а от свечи, наоборот, веяло нестерпимым жаром.

«Свеча у меня, а отец Сандино шагает впереди, – с запозданием отметила Рива. – Получается, что он умеет видеть в темноте? Как домашние коты и кошки?»

Священник достал из кармана плаща тяжёлую связку ключей и, уверенно вставив нужный ключ в замочную скважину, отомкнул низенькую неприметную дверь.

– Проходи вперёд, грязная девка, – сварливо велел отец Сандино, – спускайся вниз и дожидайся меня.

За дверью обнаружился короткий коридор, который – через пять-шесть метров – обрывался вниз каменной щербатой лестницей.

– Раз, два, три, четыре, пять… – на всякий случай считала ступени Рива. – А пахнет здесь очень странно. Чем конкретно? Наверное, ужасной древностью.

Сверху долетел чуть слышный лязг.

– Это священник запер двери, – испуганно прошептала Рива. – А ступенек я насчитала – ровно шестьдесят шесть. Глубоко. Ладно, пусть будет – что будет. Отступать, всё равно, уже поздно.

По лестнице – совершенно бесшумно – спустился отец Сандино, невежливо отодвинул Риву в сторону и, молча, пошёл по узкому подземному коридору.

Они шли уже минут пятнадцать. За очередным поворотом ждал новый поворот…

«Солидное подземелье, – мысленно восхитилась Рива. – Длинное и очень древнее. Стены покрыты пышным мхом и разноцветными лишайниками. С потолка свисают тёмные каменные наросты, похожие на зимние сосульки…»

Наконец, священник остановился возле широкой стрельчатой двери, щедро оббитой широкими чёрными полосами железа. Вновь заскрипел ключ в замочной скважине, дверь – неохотно – приоткрылась.

– Проходи, – последовала ожидаемая команда. – Встань справа и жди. Тварюшка дешёвая.

Заперев двери, отец Сандино двинулся вперёд. Неожиданно по подземелью пробежал лёгкий сквозняк, и единственная свеча потухла. Рива почувствовала, как вся её сущность наполняется липким и безграничным ужасом.

– Кажется, я падаю в обморок, – шепнули заледеневшие губы.

Раздались частые-частые щелчки, в темноте засверкали крохотные ярко-жёлтые искорки – это священник решил воспользоваться самой обыкновенной зажигалкой. Вскоре помещение было освещено приятным нежно-голубоватым светом трёх масляных фонарей.

«Очень странная комната! – оглядевшись, решила Рива. – Кнуты, чёрные стулья и кресла, кандалы, дубинки, щипцы, дыба. Может, здесь – во времена Великой Инквизиции – пытали подлых вероотступников? Очень похоже на то… А отец Сандино присел на корточки рядом с зевом камина, сложенного из дикого камня. Это, как раз, кстати. Очень, уж, здесь холодно. Зуб на зуб не попадает… Или же зубы стучат от страха?»

Вскоре в камине запылал яркий огонь, и помещение начало постепенно наполняться живительным теплом.

– Подойди сюда, лапочка, – сытым котом промурлыкал священник. – Иди, не бойся.

«Сперва я была «рабой Божьей». Потом – «девонькой». Затем – «грязной девкой». Теперь, значит, «лапочка». Странно, – задумалась Рива. – Видимо, у отца Сандино очень часто меняется настроение… Мне уже пора раздеваться? Или надо ждать отдельной команды? Ага, он только что проглотил какую-то белую пилюлю. Интересно, зачем?»

Чёрные, абсолютно-чёрные глаза, состоящие из одних только зрачков, прожигали, как казалось, её насквозь.

– Готова ли ты, ласточка небесная, помочь мне? – ласково поинтересовался приторно-медовый голос. – Кошечка моя пушистая…

– Что я должна сделать?

Отец Сандино, доходчиво жестикулируя руками, долго и подробно рассказывал – «что».

Он рассказывал, а Рива чувствовала, что её сейчас стошнит. Нет, не так… Она чувствовала, что сейчас начнёт блевать – долго и нудно. Может, даже не сможет никогда остановиться и умрёт.

– Хватит! – велела Рива. – Я ничего этого делать не буду. Никогда и ни за что… Отпустите меня, пожалуйста. Оставьте деньги себе…

– Не будешь? – глумливо захихикал священник. – Будешь, ласточка светлая, будешь. Ещё как – будешь! Сучка еврейская…

Он – одним движением – сбросил бесформенный чёрный плащ.

«Мамочка моя! – обомлела Рива, торопливо пряча правую руку за спину. – За что мне такое?»

В правом рукаве её пуловера был спрятан стилет с укороченным лезвием. Все приличные и предусмотрительные женщины еврейского гетто имели при себе холодное оружие. Иначе было нельзя…

– Смотрю, что ты уже на всё согласная? – видя, что девушка не убегает и не бьётся в истерике, обрадовался отец Сандино. – Я уже иду к тебе, красавица развратная…

Лезвие стилета воткнулось – по самую рукоятку – в правый глаз монстра.

– А-а-а! – отшатнувшись назад, взвыл священник. – Тварь…

Она била и била, била и била, понимая, что уже всё вокруг залито кровью…

«Нельзя останавливаться! – билась в пустой голове одинокая мысль. – Нельзя! Бабушка говорила, что все оборотни, монстры и вурдалаки – очень живучие. Нельзя – останавливаться. Нельзя…»

Почувствовав, что её покидают последние силы, Рива, выронив окровавленный стилет на каменный пол, отошла в сторону и присела на корточки.

Только минут через десять, полностью отдышавшись и взяв себя в руки, она поднялась на ноги и осмотрелась.

– Может, не всё так и плохо? – предположила Рива. – Мохнатый ублюдок мёртв. Ничего отвратного он со мной не совершил. Деньги в кошелке. Я никому не говорила, что отправляюсь на свиданье со священником. Беру деньги, запираю обе двери, возвращаюсь домой, а завтра покупаю у лекаря нужное лекарство… Чем, собственно, плохо? Одежда испачкана в крови? Ничего страшного. Сейчас ночь, темно. Задворками доберусь до дома, там помоюсь и переоденусь. А кровавые тряпки сожгу в печи. Всё будет хорошо. Судьба, она любит смелых…

Но этому гениальному плану было не суждено осуществиться. Кошелёк нашёлся почти сразу, а вот тяжёлая связка ключей исчезла бесследно.

– Как такое может быть? – брезгливо переворачивая окровавленное и обезображенное тело отца Сандино, бормотала Рива. – Ерунда какая-то. Мистика сплошная…

Она, потратив полтора часа, старательно обшарила всё подземное помещение. Но поиски ни к чему так и не привели.

– Что же теперь делать? – растерялась Рива. – Дверь очень уж солидная. Мне её ни за что не сломать. Даже за сто лет…

В дальнем торце комнаты отыскалась ещё одна дверка – старенькая и хлипкая.

«А вдруг через неё тоже можно выбраться на земную поверхность?» – подумала Рива.

Используя найденные солидные клещи в качестве рычага, она отжала «язычок» старенького замка. Тоненько и противно заскрипели ржавые дверные петли.

Рива, прихватив пухлый кошелёк с деньгами и верный стилет, взяла в ладонь правой руки дужку масляного фонаря, смело шагнула в узенький низкий коридор и…

Она летела по бесконечному чёрному туннелю, в конце которого угадывалось крохотное светлое пятнышко. Перед глазами – навязчивой чередой – мелькали красно-жёлтые круги, фиолетово-сиреневые спирали и лимонно-зелёные молнии…

Оказавшись в Мире «церковников», Рива – на удивление быстро – осознала произошедшее. Мол, случайно «перенеслась» из одного Мира в другой? Бывает… Ей даже нравилось в новом Мире – никто не пытался принуждать к сексуальным отношениям, кормили хорошо, работать не заставляли, давали читать разные интересные книги. Бабушка? Жалко,

конечно, старушку. Но, уже ничего было не изменить – Ангелы заверили, что обратной дороги не существует…

А ещё выяснилось, что она – «особенная».

– Совершенно ничего не понимаю, – закрепив на светловолосой голове девушки (здесь это слово считалось приличным), чёрные присоски, которые были соединены длинными проводами со странным серым ящиком, признался пожилой Ангел. – Первый раз сталкиваюсь с таким нестандартным случаем. Моя аппаратура не может «читать» мысли этой новенькой девицы… Фантастика! А, вот, «языковая капсула» прижилась. Вдвойне странно.

«Видимо, это я в бабушку пошла, – мысленно усмехнулась Рива. – То бишь, и во мне есть что-то от ведьмы…»

После этого она и решила – придумать себе новую личину. Почему и зачем? Стыдно было рассказать Ангелам правду. Мол, являюсь нищенкой-еврейкой из зачуханного гетто. Да, ещё и убийцей…

Так, вот, и «появилась на свет» потомственная аристократка – бургундская графиня Ванда с итальянскими и польскими корнями.

«Не было никакой еврейки Ривы, – как молитву постоянно повторяла про себя Ванда. – И гетто не было, и старенькой швейной машинки, и тех пятерых немцев, и жирного неуклюжего старосты, и худющего инспектора «по нравственности», от которого так противно воняло чесноком… Ничего этого не было. Ничего – не было! Ничего! Я – Ванда! Я – Ванда! Я – Ванда! Пусть будет так! Иначе… Иначе этот белобрысый симпатяга никогда не посмотрит в мою сторону…»

Глава шестая
Епископ Альберт и грязная посуда

Они неторопливо шагали по лагерному плацу. Лёха впереди, старший Ангел – немного отстав.

«Хреновый из этого Ангела охранник, – подумал Лёха. – Во-первых, дистанцию, оговорённую строгими должностными инструкциями, не соблюдает. Во-вторых, лазерный пистолет запихал в кобуру, а защёлкнуть её позабыл. При желании можно резко крутнуться, сбить с ног этого неповоротливого увальня и завладеть оружием… Охранники на вышках? Это да. Но с лазерным пистолетом можно много чего натворить. В плане, успеть наворотить… А если ещё – при этом – старшего Ангела взять в заложники? Да, интересно. Впрочем, немного подождём. Как говорится, не горит…»

– Чего хмыкаешь, узник? – ехидно поинтересовался старший Ангел. – Тяжёлые предчувствия одолевают? Оно и правильно…

– Сам дурак, – отозвался Лёха. – А если будешь приставать, то, наплевав на дурацкие лычки, набью тебе самодовольную харю. Чтобы жизнь малиной не казалась.

– Ну-ну, набил один такой, – засомневался Ангел, но – на всякий случай – отстал на пару шагов.

Перед крылечком кельи Лёха притормозил.

– Что ещё? – насторожился конвоир.

– Ничего. Хотя… Запиши-ка меня, начальник, в добровольцы по мытью послеобеденной посуды.

– М-м-м…

– Проблемы?

– Нет проблем, запишу. Но…

– Сомневаешься, что я вернусь от епископа? То бишь, живым?

– Сомневаюсь.

– Напрасно. Вернусь. Запиши.

Он, приоткрыв дверь, прошёл внутрь. Прошёл, аккуратно притворил за собой дверь, огляделся по сторонам и небрежно передёрнул плечами. Мол, ничего необычного и интересного не наблюдаю.

– Не впечатляет? – насмешливо спросил низкий, слегка хрипловатый баритон. – Скучно, обыденно и бедновато?

– Есть такое дело, – подтвердил Лёха. – Бедновато. Никакой тебе пафосной позолоты и икон – тут и там.

– Проходи направо, отрок, – пригласил баритон.

– Спасибо, пройду.

За полукруглой аркой обнаружился уютный прямоугольный эркер, посередине которого располагался гладко-струганный прямоугольный стол, который окружали грубо-сколоченные дубовые табуретки. На одной их них восседал благообразный худой старик.

– Деревенский пасторальный стиль, – небрежно махнув правой рукой, в ладони которой была зажата маленькая чёрная коробочка, пояснил епископ. – Нравится?

– Нормально. А в ладони у вас, надо думать, находится прибор, ставящий защитное поле?

– И защитное поле тоже. Если же я нажму на эту красную кнопочку, то ты, деятель белобрысый, мгновенно умрёшь. Данная штуковина настроена сугубо на пришельцев из других Миров и действует в радиусе пятидесяти метров. Присаживайся, отрок.

– Спасибо, отче. И, пожалуйста, отодвиньте ваш указательный палец подальше от красной кнопки. Мне ещё рано умирать.

– Отодвинул. Выпить, наверное, хочешь?

– Было бы неплохо, – засмущался Лёха. – По двадцать-тридцать капель.

– Обойдёшься, отрок.

– Хорошо, обойдусь. Как скажете.

– Покладистый и смирный, – недоверчиво усмехнулся старик. – Аки агнец Божий. Ну-ну. Так я тебе и поверил.

– Ваше право…

– Не дерзи старшим! Молчишь? И, между нами говоря, правильно делаешь… Теперь про спиртное. Можно было бы, конечно, набулькать тебе, отрок, стаканчик. Типа – для начала продуктивного разговора. Можно было бы, но… Некоторые современные философы утверждают, что, мол, строгие правила и запреты для того и существуют, чтобы их – изредка – нарушать. Мол, ни от кого не убудет, в конце-то концов. Улыбаешься? Улыбайся… А я, вот, являюсь неисправимым и упёртым консерватором. То бишь, нельзя – значит, нельзя. Ну, их, эти обманные демократические компромиссы… Понимаешь?

– Бывает, – расстроено вздохнул Лёха.

– Бывает, – криво улыбнувшись, подтвердил епископ, после чего нахмурился: – Что с тобой, шустрым и наглым, делать? Ума не приложу… Наверное, в побег намылился? Молчишь? Правильно делаешь… О чём хотел поговорить-то со мной?

– О метеорите. Или, может быть, об астероиде?

– Интересный поворот… Ладно. Говори.

– Он, действительно, падает? – спросил Лёха.

– Падает. Уже облака начали светиться.

– Во всех Мирах падает? Во всех Мирах светятся облака?

– Умный, – одобрил старик. – Глубоко копаешь.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Астероид падает только у нас. Так, вот, получилось.

– Заигрались с климатом?

– И это тоже. И с Прошлым – не всё гладко.

– Это, извините, как?

– Обыкновенно. Один гениальный учёный изобрёл Машину Времени. Другие – безрассудные и легкомысленные – принялись этот хитрый аппарат эксплуатировать на всю катушку. Потом кое-кому в голову пришла смелая и неадекватная идея. Мол, а не попробовать ли нам – слегка изменить Прошлое? Ну, хотя бы из элементарного любопытства?

– И, как? – заинтересовался Лёха.

– Задницей об косяк, – поморщился епископ. – Извини, отрок, само вырвалось.

– Ничего, отче. Я с понятием. Так, всё же, попробовали?

– Попробовали. Причём, неоднократно. Допробовались… Теперь, вот, летит. Гигантский астероид.

– Летит из Прошлого?

– Да.

– Это тот самый, который упал на нашу планету сто с небольшим лет назад?

– Нет, сынок. Я понимаю, о чём ты говоришь. Но, нет… Речь идёт об астероиде, упавшем на нашу планету миллионы лет тому назад. Именно после его визита и вымерли все динозавры.

– А на месте падения – в Северной Америке – появился каньон Большого Колорадо? – уточнил Лёха.

– У нас этот каньон называется по-другому. Впрочем, это не важно.

– Не важно.

– Теперь астероид возвращается, – тяжело вздохнул епископ. – Вернее, подлетает к Земле по второму разу. Куда он упадёт? В то же самое место? В другое? Какими, на этот раз, будут последствия? Кто это может знать?

– Может, Господь Бог?

– Может. Предлагаешь спросить у него?

– Почему бы и нет?

– Я пробовал. Причём, много раз. Но Он упрямо молчит. Как, впрочем, и всегда…

– Может, его – просто-напросто – нет?

– Скоро узнаем. После падения астероида многое прояснится. Очень многое.

– Наступит Конец Света? Будет Судный День?

– Поживём – увидим. Главное, успеть – до его падения – заглушить все атомные реакторы и остановить все химические производства.

– И то верно…

С минуту помолчав, епископ, резко меняя тему разговора, предложил:

– Давай-ка, бравый переселенец, позабудем – на время, понятное дело – об этом астероиде?

– Не совсем понимаю вас, отче, – признался Лёха.

– Всё очень просто. Я хочу поговорить, отрок, про твоё Будущее. Время пришло. Через месяц исполняется ровно год, как ты попал к нам. Строгие инструкции запрещают – держать конкретного переселенца в «Чистилище» больше одного года. Надо определяться, сынок… Упадёт астероид? Или же нашим учёным удастся отвести его в сторону? Неизвестно… Но почему бы нам – заранее – не прикинуть некоторые реальные варианты? Парень ты, безусловно, хороший. По крайней мере, не пропащий, хотя и относишься к Богу без должного почтения и уважения. Это я ещё мягко выразился…

– А что следует понимать под термином – «пустить в расход»? Физическое уничтожение?

– Очень надо! – обиделся епископ. – Это было бы – по меньшей мере – нерачительно. Тех переселенцев, которые за год…э-э-э, не проявили себя должным образом, мы замораживаем в жидком азоте и отдаём учёным.

– В качестве подопытного материала для проведения важных научных опытов и экспериментов? – понимающе хмыкнул Лёха. – Или же на пересадку органов?

– Не знаю и, честно говоря, знать не хочу. Видишь ли, отрок… Ученые считаются (официально, естественно), обыкновенным обслуживающим персоналом. Людьми второго сорта, так сказать. Ну, как плотники, сантехники, повара, свинарки, пастухи, официанты. Негоже нам, Божьим слугам, интересоваться их мелкими проблемами и заботами.

– Хорошо устроились.

– Не дерзи.

– Извините.

– Извиняю… Вообще-то, сложившаяся ситуация всех устраивает, – мельком улыбнулся епископ. – Учёным нравится, что их особо никто не контролирует и не напрягает. То бишь, можно экспериментировать и фантазировать на полную катушку. А Божьи слуги и Ангелы – в свою очередь – с удовольствием пользуются практическими достижениями учёных, мол: – «Здесь наши верные подмастерья напридумывали всякого полезного. Грех, что называется, не воспользоваться…». Впрочем, конечно, иногда и всякие неприятные казусы случаются. Не без этого.

– Например, гигантский астероид, подлетающий – по второму разу – к планете?

– Язва ты, отрок… Так – как? Хочешь, чтобы тебя заморозили?

– А нельзя ли мне вернуться назад? В мой Мир?

– Нельзя. Нет пути назад. Наши учёные про это говорят примерно так. Мол, наш Мир настроен «на приём». А все остальные Миры – «на передачу». Мол, точно установили… Ты, отрок, что решил с заморозкой? Морозить?

– Не хочется, – по-честному признался Лёха. – А какие у меня есть варианты и перспективы?

– Вот, изучай, – старик ловким щелчком отправил по гладкой столешнице несколько листов светло-зелёной бумаги, соединённых обыкновенной канцелярской скрепкой. – Это заявки на переселенцев и переселенок, прошедших пятый уровень подготовки и тестирования на лояльность.

– Я ещё и четвёртого не преодолел.

– Ерунда, обыкновенные формальности. Всё уладим, не сомневайся. Изучай перечень.

«Что тут у нас? – заинтересовался Лёха. – Шахты, шахты, шахты. Нефтеперерабатывающие, химические и металлургические комбинаты. Дорожное строительство. Карьеры. Ну-ну… Всё, более-менее, понятно. Удаление от населенных пунктов «церковников». Это потому, весенняя розовая зорька, что пятый уровень – по морально-нравственным критериям – не дотягивает до установленных высоких стандартов… Проживание в рабочих посёлках. Ясно, с каким людским контингентом там придётся столкнуться. Всякие отбросы местного общества, в гости не ходи… Впрочем, этот момент, как раз, не пугает. Разберёмся, авторитет завоюем. Не впервой. Со временем можно будет и на бесшабашный бунт подбить трудовой народ. Или же, наоборот, создать разветвленное подполье и вдумчиво готовить серьёзную революцию. Оружием разжиться, взрывчаткой, обучить крепких боевиков… А оно мне надо? Риторический вопрос, мать его. Риторический…»

– Высмотрел что-нибудь интересное? – минут через десять поинтересовался епископ. – Задумчивости-то напустил на белобрысую физиономию – беспредельно. Как клоун в цирке.

– Дело серьёзное. Вот, и задумался.

– И, что выбрал?

– Вакансия за номером двенадцать, – сообщил Лёха.

– Ну-ка, передай бумажки. Чтобы я весь перечень помнил наизусть… Ага, логичный выбор: – «Оператор станции метеонаблюдений на полярных островах. Срок контракта – пять-восемь лет. С возможностью заочного обучения и тестирования на лояльность по шестому и седьмому уровням. Требуется два оператора. Желательно – задействовать семейную пару. Вакансия – срочная…». Молодец, отрок! Достойно выдержал экзамен. На «отлично»!

– Это был экзамен?

– Конечно, – улыбнулся Альберт, на этот раз широко и добродушно. – Вся наша жизнь – в философском понимании – является одним бесконечным и сложным экзаменом… В твоём личном формуляре есть такая многогранная фраза: – «Обладает ярко-выраженными лидерскими качествами. Умеет подчинять себе людей. Склонен к нестандартным решениям. Импульсивен и решителен…». Ну, и кто из здравомыслящих людей пустит такого опасного ухаря в рабочий посёлок? Причём, в любой? Девяносто девять процентов из ста, что там вскоре начнутся народные волнения, могущие завершиться безобразным бунтом. А с меня начальство – в безусловном порядке – потом голову снимет. Вместе с митрой… Ты же, отрок, решил отправиться на безлюдные полярные острова. Следовательно, одиннадцатимесячное пребывание в нашем «Чистилище» повлияло на тебя самым положительным и правильным образом. Гордыню слегка поумерило… Как сам-то считаешь?

– Поумерило, – согласно кивнул головой Лёха. – Да, ещё как…

Про себя же он подумал: «С безлюдных островов и сбежать не в пример легче. Куда – сбежать? Зачем? Ну, мало ли. Подумаем. Заполярная тишина, она эффективно и многопланово способствует всяческим раздумьям и размышлениям…».

– О том, что желательно «задействовать семейную пару», – продолжил епископ. – Есть у тебя, отрок, достойная кандидатура? Естественно, женского пола?

– Есть, отче.

– Кто такая?

– Графиня, из шестого женского барака. Она, говорят, «автоматом» прошла на третий уровень. Значит, можно форсировать и прохождение двух следующих. Мол, обычные формальности.

– Знаю такую девицу, симпатичная. Да и с уровнями особых проблем не наблюдается. Вот, только…

– Что такое? – забеспокоился Лёха. – А неё что-то неладное с Прошлым? Не может быть! Третий уровень «на автомате» – дорогого стоит… Разве я не прав?

– Прав. Не прав. Философские категории, не более того, – проворчал Альберт. – Ничего я не знаю про истинное Прошлое этой барышни, её мысли «не считываются» нашей аппаратурой. Что – само по себе – говорит о многом… Дело, собственно, в другом. Согласится ли потомственная и избалованная аристократка поехать на далёкие заполярные острова? Что она там позабыла, а? Никакой тебе, понимаешь, общественной жизни. Никакого полноценного общения с болтливыми и задорными подружками. Лишь белое безмолвие, снега, метели, вьюги да однообразные повседневные дела…

– Она согласится.

– Уверен?

– Уверен.

– Ладно, переговори с Графиней. Только не тяни.

– Вы же сказали, что у меня есть месяц.

– Сказал. Но две недели – как минимум – уйдёт на согласование и оформление всех необходимых документов. Так что, не тяни с разговором. Кроме того…

– Что ещё?

– Астероид приближается, – напомнил епископ. – Желательно всё оформить до его падения. На всякий случай и общего спокойствия ради… У тебя всё?

– А, что случилось с Актрисой? – спросил Лёха. – Неужели, отправили на заморозку?

– Тебе-то какое дело?

– Никакого. Просто… Мы же с ней вместе «прибыли» в ваш Мир. Боевая подруга, так сказать. Не более того. Вот, и интересуюсь.

– Интересуется он, видите ли, – непонятно вздохнул Альберт. – У тебя, отрок, теперь другая симпатия объявилась. Графиня благородная, бургундских голубых кровей. О ней, сероглазой, и беспокойся… А с Мэри, Бог даст, всё будет хорошо. Замнём дело. Тем более, гигантский астероид приближается к планете. Сейчас Великой Инквизиции не до мелочей. К Судному Дню, как ты правильно заметил, готовятся… Всё, отрок, иди. Встретимся на днях, тогда окончательно и договорим наш разговор. Вот, возьми охранный жетон, чтобы к тебе Ангелы не вязались с разной ерундой. Всего хорошего.

– И вам, отче, не хворать, – поднимаясь на ноги и беря со столешницы светло-жёлтый металлический овал, украшенный непонятными символами, вежливо попрощался Лёха. – Обязательно договорим…

Выйдя на крылечко кельи, он тихонько прошептал под нос:

– Из таких шустрых и сексуальных девиц, как наша Мэри, получаются не только образцово-показательные генеральши, депутатши и чиновницы. Но, как выясняется, и епи-

скопши. Благо в этом Мире и епископам жениться не возбраняется. Диалектика, блин… Ага, прав старина Альберт. Облака, зависшие на западе, действительно, слегка светятся. В 1908-ом году, перед падением знаменитого Тунгусского метеорита – по свидетельствам очевидцев – наблюдались аналогичные природные явления…

Пройдя через лагерный плац, он подошёл к учебному корпусу.

Справа от центрального входа была установлена широкая скамья, на которой, ссутулившись и слегка раскачиваясь из стороны в сторону, располагался Облом. Рядом со скамейкой – с лазерным пистолетом в правой ладони – стоял уже знакомый старший Ангел.

«Классные «пушки» у Ангелов, – подумалось. – Если предохранитель «отщёлкнуть» в крайнее положение, то луч, выпущенный из такого пистолета, разрезает человека напополам. Можно, при желании, тело противника и в тоненькую лапшу нашинковать… При переводе же чёрного рычажка в срединное положение, поражающая сила лазерного луча уменьшается в разы. Он только лишает оппонента – минут на сорок-пятьдесят – сознания, что очень удобно при проведении различных полицейских операций… Начальное положение предохранителя? В этом случае выпущенный луч «превращает» выбранного индивидуума – на пару-тройку часов – в безвольного и покорного идиота. Третий вариант, скорее всего, применяется при «мягких» разгонах демонстраций, митингов и прочих несанкционированных сборищ… Так что, Облому ещё повезло. Легко отделался, бродяга славянский…»

– Привет! – дежурно отметился Лёха, небрежно демонстрируя светло-жёлтую бляху.

– Видались, – высокомерно поморщился старший Ангел. – Значит, отпустили?

– Как видишь. Епископ – справедливый и думающий человек.

– Это – да. Не спорю.

– Правильно. Не стоит – лишний раз – ругать собственное начальство. Особенно, когда находишься перед следящими видеокамерами.

– Юморист ты, переселенец. Сразу видно, что в своём Мире, елочки зелёные, имел к армии самое непосредственное отношение.

– Имел. К чему скрывать? А с этим мордастым гавриком что приключилось? – Лёха небрежно ткнул пальцем в скучающего Облома. – Нагрубил кому-то?

– А ты сам у него спроси, – разрешил Ангел. – Ему лучом только слегка досталось. Вскользь.

– Ответит?

– Щёлкни – для начала разговора – ему пару раз по длинному носу.

– Шутка такая, ангельская насквозь?

– Делать мне больше нечего, служивый. Щёлкай, не сомневайся…

Лёха, пожав плечами, последовал совету старшего Ангела.

– А, что? Куда? В карцер? – вздрогнув, испуганно заморгал реденькими ресницами Облом.

– Успокойся, братан. Это всего лишь я.

– Лёха?

– Угадал. Что случилось-то?

– Виноват я, вспылил. Понимаешь, на занятиях по католической этике разбирали мой рассказ. Ну, о том, как я попал в этот Мир. Про то, как убегая от свирепого смилодона, прыгнул в старинный колодец… Помнишь?

– Помню, – подтвердил Лёха. – Ты как-то рассказывал. Продолжай.

– Ангел-преподаватель сказал, что я неправ.

– То есть, надо было не убегать, а вступить с клыкастым смилодоном в смертельную схватку? Зряшное дело, на мой взгляд…

– Зряшное. И преподаватель это подтвердил. Мол, правильно я убегал. Правильно залез в колодец.

– В чём же тогда суть претензий?

– Вот, и мне не очень понятно, – широкая и обычно добродушная физиономия Облома превратилась в маску вселенской скорби. – Преподаватель говорит, что я поступил правильно. Но только теперь должен непременно мучиться – от искреннего осознания собственной вины. Мол, сбежав, бросил подчинённых на растерзание… А для облегчения этих душевных терзаний я должен, нет, прямо-таки обязан, проводить всё свободное время в церкви. Во-первых, усердно моля Господа нашего о прощении. Во-вторых, прося у него облегчения и мудрого совета. Что-то там ещё – в-третьих, в-четвёртых, и в-пятых… Как оно тебе?

– Солидно.

– А, поскольку, я так не поступаю, то – по мнению уважаемого Ангела-преподавателя – являюсь законченным моральным уродом, которому никогда не пройти на третий уровень… После этого всё и началось. Я принялся спорить, возражать, в конце – как водится – слегка психанул. Нагрубил…

– Дурак ты, Облом, – лениво и беззаботно зевнул Лёха. – Это же был элементарный тест на послушание. А ты, дурилка славянская, всё принял за чистую монету.

– Это как?

– Задницей об косяк, как любит выражаться один мой знакомый епископ. Тебе, брат, надо было тупо и покорно твердить, мол: – «Всё верно, господин преподаватель. Вы, безусловно, правы. Осознал. Мучаюсь. Каюсь. Обещаю, что всё свободное от занятий и общественных работ время буду проводить в церкви…».

– А, если бы потом проверили?

– У тебя есть свободное время? Не смеши меня, пожалуйста.

– Как же всё просто, – обиженно захлюпал носом Облом. – Попался на крючок, как безмозглый речной ёрш. Обидно. Очень жаль…

– Запоздалые сожаления, – презрительно хмыкнул старший Ангел. – Сейчас явится патруль и сопроводит тебя, психа несообразительно, в карцер. Недели на полторы для начала, – сердито посмотрел на Лёху. – Иди отсюда, переселенец. То есть, на занятия…

В вестибюле учебного корпуса к нему тут же подошла парочка Ангелов. Дабы поинтересоваться, мол: «Кто такой? Почему не на занятиях? В карцер захотел, грешник закоренелый?».

Предъявленный светло-жёлтый жетон все вопросы снял, и Ангелы, тут же заскучав, удалились.

Лёха подошёл к доске объявлений и приступил к вдумчивому изучению расписания занятий на дообеденное время: «Первая и третья мужская казарма – «Изучение Ветхого, Нового и Новейшего Заветов». Первая и третья женская казарма – «Нравственные основы католицизма. Роль женщины в современной католической семье». Вторая и четвёртая мужская казарма – «Классические псалмы. Их роль в современном понимании католицизма»… Тьфу, мать его! Ненавижу псалмы. Не пойду. А, собственно, зачем? У меня же имеется охранный жетон. Конечно, не стоит им злоупотреблять, тем самым привлекая к себе нездоровое внимание. Но псалмы, честное слово, стоят того. Чтобы не сдохнуть – одноразово – от умилительной слащавости…»

Он три с половиной часа позанимался в спортзале. Поупражнялся на турнике и брусьях, побаловался с тренажёрами, потягал гири и штангу, от души помолотил по тугой боксёрской груше. Даже успел принять полноценный душ. После чего и прогудела короткая визгливая сирена, сигнализируя – тем самым – о наступлении обеденного перерыва.

– В борще мясо отсутствует, – изучив содержимое тарелки с помощью столовой ложки, сообщил Капуста. – Бардак, одно слово.

– Как у тебя? – спросил Хан. – Обошлось?

– Ерунда, читали занудные и надоедливые нотации, – равнодушным голосом ответил Лёха и заговорщицки подмигнул: – «Мол, есть важные новости. Но о них расскажу потом – в приватной обстановке, без посторонних любопытных ушей…».

– Я так и думал.

– Почему котлета такая маленькая? – снова заныл вечно голодный Капуста. – Ещё пару дней назад она была в полтора раза больше и толще…

– А у вас – что новенького? – спросил Лёха.

– У нас? – задумался Хан. – Ничего. Хотя… Посмотри внимательно налево. На столы третьей мужской казармы. Заметил?

– Половина посадочных мест пустует. Присутствуют только китайцы. А куда подевались наши чернокожие орлы?

– Подогнали автобусы, загрузили в них команду Варвара и увезли.

– За территорию «Чистилища»?

– Ага.

– Получается, «в расход»?

– Не похоже, – встрял в разговор Капуста. – «В расход» забирают в тёмное время суток, чтобы – лишний раз – не будоражить переселенцев. Причём, поодиночке, или же маленькими группками. А здесь – среди бела дня. Ничего и никого не стесняясь. Причём, у Варвара рожа была довольная и злорадная – до полной невозможности.

– Так всё и было, – подтвердил Хан. – Я лично видел через окошко нашей учебной аудитории.

«Странные дела творятся, – задумался Лёха. – Суточные продовольственные порции заметно сократились. Ребят из третьего барака – сугубо негров и мулатов – куда-то увезли. Что происходит? Это как-то связано с возможным падением астероида?»

По завершению обеда старший Ангел объявил:

– Прошу подойти ко мне добровольцев, записавшихся на мытьё грязной посуды.

Первым из-за стола поднялся Хан. Шагая следом за другом, Лёха поинтересовался:

– А ты, родной, почему записался? Мытьё посуды – удел закоренелых лентяев и законченных тупиц, которых – рано или поздно – отправят «в расход». Ты же, морда узкоглазая, всегда славился степным упорством и упрямством. Всегда уверял, что тебе, мол, даже нравится учиться… Что случилось?

– Ничего не случилось, – неуверенным голосом заверил Хан. – Просто, вот, блажь нашла.

– А, понятно. Блажь – с аметистовыми глазами горной ламы…

Лёха, так и не заметив, куда подевался Хан, встал рядом с длинной металлической мойкой, заполненной – до самых краёв – грязными мисками, кружками, вилками и ложками. Через минуту к мойке подошла Графиня.

– Привет, Ванда! – чувствуя, как учащённо забилось сердечко, поздоровался Лёха. – Отлично выглядишь.

– Спасибо, – мило улыбаясь и не отводя в сторону смелых серых глаз, откликнулась девушка. – И тебе, Алекс, всего хорошего… Можно, я встану на той стороне мойки, напротив тебя? Не возражаешь?

– Конечно. В смысле, не возражаю…

– Переселенцы! Приступаем, благословясь! – объявил – через мегафон – сердитый голос старшего Ангела. – Попрошу завершить все работы за полтора часа! После чего вас проводят в учебные аудитории!

Лёха, открыв краны с горячей и холодной водой, предложил:

– Поговорим?

– Поговорим, – усердно намыливая поролоновую губку, согласилась Ванда. – Ты так и не завершил ночной рассказ. Состоялось ли реалити-шоу «Снега, снега»? Рассказывай!

– Мне надо с тобой обсудить один важный вопрос…

– И его обязательно обсудим, – лукаво стрельнув серыми глазами, пообещала девушка. – Только потом. После твоего рассказа.

– Но…, э-э-э…

– За полтора часа всё успеем. Не спорь со мной. Начинай!

– Как скажешь, – покорно вздохнул Лёха. – Слушай…

Глава седьмая
Лёха. Ретроспектива 03. Ванавара

Вернувшись домой, Лёха – первым делом – включил компьютер и «влез» в Интернет. Минут через десять-двенадцать он смущённо пробормотал:

– Стыдно быть, пихточки сибирские, такими необразованными и тупыми… Якутия здесь, естественно, не при чём. Самый ближайший крупный населённый пункт – от места падения Тунгусского метеорита – городишко Усть-Илимск. Лететь из Москвы до Усть-Илимска – с пересадкой в Братске – и арендовать там вертолёт? Настолько этот маршрут актуален и оптимален? Сейчас, сейчас, ребятки… Ага, можно же спокойно долететь до Красноярска, откуда – три раза в неделю – до посёлка Ванавара летает славный и проверенный АН-24. А в Ванаваре, как раз, и находится штаб-квартира государственного заповедника – «Тунгусский». У них и вертолёт имеется… Стоп. Заповедник? Это несколько усложняет дело. Надо срочно звонить шефу…

– Хочешь поменять маршрут? Меняй, – выслушав подчинённого, вальяжно разрешил Ёпрст. – Заповедник, говоришь? Не бери, Петров, в голову. Я прямо сейчас позвоню Суркову и всё согласую. Наш проект-то имеет ярко-выраженную политическую подоплёку. Причём, с много обещающей тенденцией. Собираемся, как-никак, продавать лицензии мировым акулам киноиндустрии. Прецедент, мать его – в одно место. В рамках глобальной модернизации, объявленной Президентом Медведевым. Так что, никуда не денутся, морды высокопоставленные, пойдут нам на встречу. Думаю, что в этом…э-э-э, как там его?

– В Ванаваре, – любезно подсказал Лёха.

– Ну, и наименование. Хрен моржовый выговоришь… Думаю, что в данном населённом пункте тебя встретят с распростёртыми объятьями. То бишь, со знаменитым сибирским гостеприимством. Смотри, много водки не пей. А если, всё же, придётся, то закусывай хорошенько. Желательно пельменями… И, наконец, самое главное… Напрягся, бродяга?

– Есть немного.

– Накомарник, родной, не забудь купить, – напомнил заботливый Ёпрст. – Гы-гы-гы!

«Летать на АН-24 – удовольствие откровенно-сомнительное, – решил для себя Лёха. – Во-первых, трясёт – при взлёте и при попадании в воздушные ямы – не приведи Бог. В том плане, что сытный утренний завтрак так и просится наружу. Активно и настойчиво просится… Чего ожидать от предстоящей посадки? Во-вторых, кресла во время полёта – вместе с пассажирами – мелко-мелко подрагивают. Зубы – время от времени – начинают выбивать ритмичную дробь… В-третьих, из иллюминатора практически ничего не видно. Плоскость крыла, покрытая изысканной паутиной ржавчины, да большой серый веер, образованный лопастями винта двигателя…»

Лишь когда самолёт, плавно заходя на посадку, завалился вправо, ему удалось высмотреть внизу широкую зеркальную полосу, отливавшую старинным благородным серебром.

– Очень красиво! – восторженно объявил пассажир, сидящий в соседнем кресле. – Это, надо думать, Подкаменная Тунгуска. То есть, знаменитая Угрюм-река.

– Нет, ребята, Угрюм-река – это Нижняя Тунгуска, – возразил рослый бородач с заднего ряда. – А Подкаменная Тунгуска именуется по-местному – «Чулакан». Или же – «Катанга», если дело касается её верховий…

Посадка – по степени тряски – многократно превзошла взлёт.

«Следовательно, состояние лётного поля в Варнаваре гораздо хуже, чем в Красноярске, – болезненно морщась, предположил Лёха. – Чёрт, кишки, похоже, завязались в уродли-

вый морской узел. Больно, блин горелый! Об обеде с ужином, скорее всего, придётся позабыть…»

Самолёт, наконец-таки, замер.

– Слава тебе, Господи, – чуть слышно пробормотал бородатый пассажир с заднего ряда. – Думал, что всё. Помираю. Типа – трындец нашей деревушке многострадальной…

– Попрошу на выход, господа и дамы! – в узком проходе между рядов пассажирских кресел появилась краснощёкая стюардесса средних лет. – Торопимся, уважаемые. Торопимся! Не спим и сопли не жуём! Не забываем носильные вещи…

– Дай отдышаться, сестричка, – взмолился бородач. – Мутим меня чего-то. И в висках колет.

– Захирел российский народец. Обмельчал, – возмутилась краснощёкая деваха. – На выход проходим! Кому сказано, блин? Сибирский чистый воздух, он очень целебный и полезный. Даже покойникам помогает. В смысле, иногда…

– Чем же он им помогает? – поинтересовался Лёха.

– Тебе, приезжий белобрысый ухарь, этого не понять, – прозвучал неожиданный ответ. – Просто поверь мне на слово… Подъём, слабосильные! На выход!

Жизнерадостная тётенька не соврала. Несколько раз вздохнув полной грудью, Лёха осознал, что голова прояснилась, да и запутанный морской узел из кишок – в животе – слегка ослаб.

– Необычайно-приятный воздух, – подтвердил бородач. – Пахнет колодезной водой, полевым разнотравьем и – чуть-чуть – ванилью…

Было достаточно тепло – на уровне плюс двадцати двух-трёх градусов. Лёгкий восточный ветерок приятно обдувал разгорячённое лицо. Солнце было скрыто за белыми, неправдоподобно-пухлыми кучевыми облаками.

Возле неказистого бревенчатого барака, являвшегося местным «залом ожидания», стоял низенький очкастый дяденька, облачённый в мятый светло-коричневый костюм, со смешной старомодной шляпой на голове. В ладони левой руки человечек крепко сжимал ручку потрёпанного чёрного портфеля, а в ладони правой – бурую квадратную картонку, на которой красным фломастером было начертано: «Алексей Петров».

«Крыса бюрократическая», – подумал Лёха и, вежливо улыбнувшись, сообщил:

– Это я и есть, Алексей Петров.

– Как я рад! – залебезил очкарик. – Рад приветствовать вас, господин Петров, на гостеприимной сибирской земле! – бросив на землю кусок бурого картона и вытянув вперёд узкую ладошку, представился: – Василий Васильевич Суздалев, директор Тунгусского заповедника.

– Очень приятно, – заверил Лёха, осторожно отвечая на вялое директорское рукопожатие. – Польщён и тронут.

– Да, я прямой потомок того самого Константина Суздалева, – неожиданно засмущался Василий Васильевич.

– Ага. Конечно. Я именно это и имел в виду…

– Действительно, это мой прапрадед, глава местной охотничьей артели, первым прибыл – в далёком 1908-ом году – на место падения легендарного Тунгусского метеорита. Не считая, конечно, диких эвенков и тунгусов… Бледный вы очень, Алексей… м-м-м…

– Просто – Алексей. Молод я ещё для отчества.

– Как скажете. Бледный вы очень, Алексей. Не можется?

– Такое впечатление, что в желудке – невесть откуда – образовалось парочка булыжников, – признался Лёха. – Тяжеленные такие, колючие.

– Это всё из-за трудного перелёта. Понимаю, – заверил директор заповедника. – Поможем, не вопрос. Пройдёмте к лимузину…

«Лимузин» оказался видавшим виды Уазиком.

«Похоже, что наш очкарик не так и прост, как хочет казаться, – смекнул Лёха. – По крайней мере, с юмором дружит. Уже неплохо. Глядишь, и споёмся…»

Уазик, несуетливо переваливаясь на ухабах, неторопливо пылил по узкой просёлочной дороге, а Василий Васильевич, ловко вертя автомобильную баранку, увлечённо рассказывал:

– Наш заповедник был организован совсем недавно, в 1996-ом году. Площадь его огромна, около трёхсот тысяч гектаров, а с деньгами туговато… Конечно, кое-что мы, всё-таки, сделали. Во-первых, построили крепкую опорную базу здесь, в Ванаваре. Во-вторых, обустроили – уже непосредственно рядом с местом падения Тунгусского метеорита – ещё три полноценных туристических объекта: на западном склоне горы Стойкович, на левом берегу речки Хушмы и на кордоне «Пристань». Есть и другие интересные намётки, но финансовых средств катастрофически не хватает… А тут ваш гениальный проект – «Снега-снега»! Константин Алексеевич обещал, что прибыль от его осуществления мы с вами будет делиться по-честному…

«Все обещания Ёпрста надо делить на три. А ещё лучше – на четыре, – подумал Лёха. – Мол, возьми в кассе – наличкой – миллионов пятнадцать… Ага, конечно, с разбега. Да, не пригибаясь. Дали четыре двести семьдесят пять рублями, и совершенно дурацкими банковскими векселями – пятёрку. Правы были мудрые дядьки из телевизора – нашим Миром правит международная жидо-масонская гопота, объединившаяся в тайный союз. То бишь, в Ложу. Мать их всех… Говорят, что – независимо от нас – существуют различные параллельные Миры. Интересно, а кто правит-царствует в них?»

Машина въехала на территорию посёлка. По сторонам замелькали низенькие, обшарпанные и непрезентабельные домишки. Напротив каждого неказистого строения – вдоль обочин дороги – возвышались длинные поленницы дров.

– Большая деревня, – заметил Лёха.

– Большой посёлок, – поправил Василий Васильевич. – Сейчас здесь проживают более четырёх тысяч человек. Есть несколько магазинов, забегаловок, школа, поликлиника, больница, дом престарелых. Столица Тунгусско-Чунского района, короче говоря. Чуня – это речка такая.

– А, что это за странное названье – «Ванавара»? И почему дрова сложены вдоль дороги?

– В незапамятные времена здесь, на берегу Нижней Тунгуски, располагалось большое родовое стойбище эвенков. Потом – лет так триста пятьдесят тому назад – сюда пришли двое русских переселенцев. Муж и жена. Иван и Варвара. Эвенки тут же переделали их имена на свой туземный лад: Ваня – Вана, Варя – Вара. Вот, и получилось – Ванавара… Дрова? Местное население – законченные и идейные лентяи. Без серьёзной нужды и пальцем не шевельнут. А, что вы хотели? Эвенки, тунгусы, метисы. Русские? В основном – потомственные охотники и бывшие зеки… Дрова привезли по дороге, рядом с ней и вывалили. Здесь же их распилили и покололи. Куда-то перетаскивать? А, собственно, зачем? Строить специальные сараи-дровяники? Не смешите, право…

– Украсть же могут, – хмыкнул Лёха.

– Украсть? Дрова? – искренне удивился директор заповедника. – Нет, полностью исключено.

– Почему?

– Это же Сибирь-матушка. Если охотника застукают за проверкой чужих капканов, то сами, наверное, понимаете, что будет. Мол, тайга – закон, медведь – хозяин. Данный принцип и на бытовые моменты постепенно перенёсся… Колотые дрова воровать у соседа? Не,

себе дороже… Понятное дело, что самосуд в посёлке не практикуется. Мол, зачем? Мы же приличные и цивилизованные люди. Но можно – ненароком – и в тайге столкнуться. Нос к носу… Понимаете, Алексей, о чём я толкую?

– Понимаю, – подтвердил Лёха. – Есть высший суд. Суд – таёжный. Медведь – прокурор. Рыжая белочка – адвокат.

– Во-во, и я о том же…

– Чем занимаются местные честные идальго и их благородные жёны?

– Охотой, рыбалкой, сбором грибов и ягод. Если без устали «шустрить», то можно и себя прокормить, и семью, и любовницу… С октября по апрель охотники расходятся по закреплённым за ними участкам. Для себя добывают лося и дикого северного оленя. Соболя, куницу и белку – на продажу… Рыбачат, понятное дело, круглый год. Хариус, ленок, щука, сорожка, окунь, немного тайменя. Основные грибы – рыжики и белые грузди. Ягода – голубика, брусника, клюква, чёрная и красная (дикая), смородина… Ну, и огородничество знатно развито в Ванаваре. Каждая тутошняя семья одной только картошки по пятнадцать-двадцать мешков выращивает… Раньше – недалеко от посёлка – функционировал прииск «Хрустальный», где добывали исландский шпат. Камушек такой, применяемый в разнообразных оптических приборах. Работа, какая-никакая. Давно это было, до Перестройки…

Машина, устало хрюкнув, остановилась около солидного двухэтажного здания, обшитого светло-коричневым сайдингом.

– Прибыли! – объявил Василий Васильевич. – Это она и есть, центральная усадьба государственного заповедника «Тунгусский». За домом находится большой приусадебный участок – полноценный огород, клубничная плантация, ягодники, свинарник, крольчатник, коровник. Мы гостям предлагаем даже свежее козье молоко… Сейчас я провожу вас в гостиничный номер. Устраивайтесь, отдыхайте, можете и душ принять. Поселковая дизельная энергетическая станция – по летнему времени – не работает. Но вода – пусть и слегка – нагревается на солнце в чёрном баке, установленном на крыше… А минут через пятнадцать-двадцать спускайтесь в столовую.

– Мне сейчас не до еды, – поморщился Лёха. – Извините, хлебосольный хозяин.

– Будет – до еды, – заверил очкарик. – У меня имеется – на такой экстренный случай – волшебная целительная микстура…

Одноместный номер произвёл на него самое положительное и благоприятное впечатление.

– Сюда и иностранца не стыдно поселить, – признал Лёха. – Всё чистенько и крепко. Канализация и душ работают. Туалетная бумага, китайские дезодоранты. Просторная прихожая. Имеется даже встроенный в стену сейф… Не, ребята, доморощенные бизнесмены, с сейфом – явный перебор. Извиняйте…».

Достав из рюкзака дипломат с наличностью, он спустился вниз и, следуя указаниям Василия Васильевича, повернул по коридору направо.

Столовая штаб-квартиры заповедника была обустроена и обставлена в лучших традициях русского классического гостеприимства, мол: «Всё для вас, дорогие господа зарубежные туристы. Всё – для вас! Доставайте, родимые, доллары и евро…».

«Стереотипы, мать их, – понимающе хмыкнул Лёха. – Оленьи, медвежьи и кабаньи головы по стенам, старинные иконы – в золочёных рамах – по углам. Стены оббиты идеально-струганной вагонкой из лиственницы и кедра… Какие узоры и оттенки! Здорово, действительно, жёлто-серо-зеленоватая лиственница сочетается с розово-бордовым кедром. Полы – примерно на восемьдесят процентов – застланы полосатыми домотканными половичками. Два десятка внешне грубых, явно стилизованных столов. Такие же скамьи и табу-

реты… Мило, ничего не скажешь. И пахнет здорово – утренней свежестью, сосновой стружкой и недавно выпеченным хлебом. Молодцы…»

– Прошу вас, дорогой гость! – приветствовала его молоденькая черноволосая официантка. – Проходите в отдельный кабинет. Проходите. Будьте такими добренькими…

«Однако! – мысленно восхитился Лёха. – Очень завлекательная юбочка! А под ней… В смысле, из-под неё… Как, интересно, надо правильно говорить? Короче говоря, ноги – просто обалдеть! И, вообще, облик у девицы характерный. Глаза – с лёгкой и ненавязчивой развратинкой. Натуральная Татьяна – из знаменитого романа «Угрюм-река». Бывает…»

За цветастыми ситцевыми занавесками до пола обнаружился просторный эркер, посередине которого располагался прямоугольный, богато накрытый стол.

«Сейчас меня стошнит, – подумал Лёха. – И пускай. Предупреждал же по-честному, мать их сибирскую…»

– Танька, прекращай прожигать гостя похотливыми взглядами! – велел Василий Васильевич. – Наливай пиво! Человеку неможется, а она, шалава, только об одном и думает…

– Чичаза, чичаза, – ловко управляясь с объёмной керамической баклагой, засуетилась черноволосая деваха. – Вот, пожалуйте. Угощайтесь!

Пиво было очень ароматным и абсолютно чёрным.

«Отменная штуковина! – ставя на стол опустевшую пивную кружку, решил Лёха. – Забористое, с лёгкой пикантной горчинкой. Божья благодать в чистом виде, если выражаться по сути…»

– Ещё? – лукаво улыбнувшись, спросила Татьяна.

– До краёв, красавица…

Покончив со второй кружкой, Лёха поинтересовался:

– Где же такое классное пиво производят?

– По документам – в Братске, – старательно протирая бумажной салфеткой очки, сообщил Василий Васильевич.

– По документам?

– Ага. Так-то, по-настоящему, его варят у нас, в Ванаваре. По старинному рецепту восемнадцатого века. Ячмень, горох, лесной хмель, мёд, немного щавеля… Легализоваться и получить официальную лицензию? Такая конкретная головная боль, доложу я вам. Да и взяток при этом надо раздать – без счёта. Проще нужные бумажки – за сущие копейки – купить. Кстати, и раньше так делали. И при царе, и при коммунистах… Как, извините, поживают – в вашем городском желудке – колючие сибирские булыжники?

– Спасибо. Полностью растворились. Без следа. Наоборот, аппетит потихоньку просыпается. Зверский.

– Так закусывайте, не стесняйтесь… Может, водочки?

– Спасибо, но я – по пиву…

– Танька, не спи! Наполняй гостю кружку!

– Чичаза, чичаза…

Стол поражал разнообразием. В том смысле, что разнообразием предложенных закусок.

– Студень из рябчиков. Очень рекомендую. Ещё утром перепархивали по куруманнику, – тыкая толстым указательным пальцем, хлебосольно вещал Василий Васильевич. – Хариус горячего копчения. Малосольная икра тайменя. Варёная оленятина. Сохатина. Вяленый медвежий язык… Угощайтесь!

– Спасибо, – сыто икая, вежливо поблагодарил Лёха. – Благодарствуйте. Всё очень вкусно…

– Танька, шалава, не спи! Наполняй гостю кружку!

– Чичаза, чичаза…

Минут через пятнадцать директор заповедника, загрустив, поделился сомнениями:

– Понравится ли у нас иностранным телевизионщикам? Зимой здесь морозы лютуют. Температура воздуха опускается ниже пятидесяти градусов. Иногда даже термометры, не выдержав, лопаются.

– Ерунда, – вяло обгладывая глухариное крыло, заверил Лёха. – Экзотики, как известно, много не бывает… Кстати, а можно зимой добраться до места падения метеорита на снегоходах?

– Запросто. От Ванавары до «Пристани» – по прямой – будет ровно шестьдесят шесть километров. По факту – около семидесяти пяти. Полтора часа пути. Если, конечно, ехать по натоптанной тропе.

– Блеск! Это и будет первым этапом нашего реалити-шоу. Мол, кто доехал и – при этом – не окочурился, тот и продолжает игру… Подайте-ка мне, милейший Василий Васильевич, тарелку с рябчиковым студнем. Пробу сниму. Уговорили…

Вновь заколыхались цветастые занавески, и Татьяна, входя, торжественно объявила:

– Сибирские пельмени! Господа, подвиньтесь, пожалуйста. Я на столе немного приберусь и миски расставлю.

– Пельмени без водки – удел законченных параноиков, – снимая с мясистого носа бухгалтерские очки, выдал директор заповедника. – Так, по крайней мере, наш комбат любил говаривать.

– Где служить довелось? – заинтересовался Лёха.

– ВДВ. Псковская краснознамённая дивизия.

– Уважаю. Бывал… Наливай, браток!

– Ну, за генерала Лебедя!

– За – Лебедя! Пусть земля ему будет пухом! А на бездонном Небе пусть не забывают – регулярно – выдавать генералу парашют…

«Не прост наш Васенька, – подумал Лёха. – Ох, не прост, гнида сибирская. Глаза-то у мужичка характерные. Как любит в таких случаях говорить Сан Саныч Бушков: – «Холодные глаза несуетливого и матёрого убийцы». Ладно, учтём, братишка…»

Глава восьмая
Предчувствия

– Остановись, Алекс, – попросила Ванда.

– Не интересно?

– Наоборот, очень интересно. Ты – прирождённый и умелый рассказчик. Можно слушать и слушать… Ты никогда не задумывался о карьере писателя?

– Задумывался, – признался Лёха. – Только… Сперва времени не было. Дела всякие и разные. Игры рыцарей плаща и кинжала. Госпиталя, где приходилось зализывать благородные раны… Потом, как выяснилось, началось победоносное и уверенное наступление Интернета. Бумажные книги нынче не в чести. Электронные? Пираты, суки алчные и ненасытные… Извини, Графиня. Погорячился. Само вырвалось… Короче говоря. Есть у меня верный и правильный друг. Ещё со старых добрых Времён. Вместе когда-то служили, на ливийско-алжирской границе. Так, вот. Он нынче стал писателем-фантастом. Пишет всякие и разные фантастические романы – о «попаданцах» в Прошлое, о параллельных Мирах. Блин…

– И, какие у твоего друга успехи? – в серых глазах девушки вспыхнул – на краткий миг – заинтересованный огонёк. – Финансовые, я имею в виду?

– Ниже плинтуса. Практически – под ноль. Зарабатывает – по факту – меньше, чем консьержка, дежурящая в моём подъезде.

– Консьержка?

– Незнакомое слово? Странно. Вроде французское, и не чуждое знати… А почему ты остановила моё повествование?

– Уже прошло больше часа, – ловко вытирая кухонным полотенцем вымытые тарелки, пояснила Ванда. – Значит, скоро нас разгонят по учебным аудиториям. А ты ещё хотел обсудить со мной некий важный вопрос. Жалко, конечно, что пришлось прервать тебя на таком интересном и завлекательном моменте.

– Да, они попытались украсть у меня дипломат с наличностью, – ехидно улыбнулся Лёха. – Жулики сибирские! Ничего у них не вышло…

– Я, собственно, не об этом.

– О чём же тогда?

– У тебя что-то было с этой развратной Татьяной? – серые глаза девушки заледенели, превратившись в две злые льдинки. – Ты с ней…м-м-м…, имел амурную связь? Что это мы строим такие непонимающие физиономии? Ну, с той, которая – «чичаза, чичаза»?

– Дык…

– Что – дык? Значит, было? Сволочь ты, Алекс.

«Аристократка, блин», – запечалился Лёха. – «Нет, чтобы спросить, как все нормальные люди, мол: «Переспал ты с этой черноволосой шалавой? Или же нет?». Амурная связь, понимаешь…».

Покаянно вздохнув, он пробормотал:

– Я же не знал, что на этом Свете существуешь ты. В смысле, в параллельном Мире. Извини…

– Бог простит. Если, конечно, посчитает нужным… А, как быть с Актрисой? Она мне рассказывала – много и подробно – о твоей необузданной страстности.

– Извини.

– Бог простит. Если, конечно, не забудет – в суматохе важных и неотложных дел.

– Я, собственно, по этому поводу и хотел поговорить с тобой, – смущённо замямлил Лёха. – Как раз, по этому…

– По поводу – важных дел Господа нашего? Или же хочешь мне предложить…э-э-э… Переспать с тобой? Как говорится у вас, грубых простолюдинов?

– Нет. То есть, да… В смысле…

– Не жуй сопли зелёные, ухажёр белобрысый, – посоветовала Графиня. – Говори, как оно есть.

Он и рассказал, немного смущаясь и запинаясь, о срочной (горящей, горячей?), вакансии. Мол, на далёких северных островах ждут, не дождутся крепкую семейную пару…

– Это ты мне делаешь предложение? – слегка дрогнув голосом, уточнила Ванда.

– Делаю.

– Так и сделай его – по всей форме. Как полагается.

– Графиня Ванда!

– Я вас, эсквайр, слушаю очень внимательно.

– Не сбивай меня, пожалуйста, – мягким – как детский пластилин – голосом попросил Лёха. – Пожалуйста…

– Хорошо, не буду. Продолжай.

– Я предлагаю тебе, бургундская графиня, свою крепкую мужскую руку и верное сердце. Всерьёз и навсегда.

– Навсегда? – задумалась Ванда. – А почему ты мне – всё это бесценное богатство – предлагаешь? Заканчивается год, отведённый для обитания в «Чистилище»? Не хочется – отправляться «в расход»?

– Это здесь не причём. Просто я… Просто…

– Ну, и? Смелее, отважный кавалер. Смелее!

– Я – тебя – люблю, – размеренно произнёс Лёха. – Очень, очень, очень, – после короткой паузы добавил: – Гадом буду. Сукой последней.

– Даже так? – удивилась девушка. – Ладно, поверю… А за что ты, белобрысый жених, меня любишь?

– За серые загадочные глаза. Которые – как вода в знакомом роднике, за околицей.

– Ещё – за что?

– За карминные губы. Маленькие и нежные – до безумия.

– Ещё?

– За длинные и стройные ноги.

– Остановитесь, идальго, – притворно нахмурилась Ванда. – Нам, потомственным графиням, не полагается выслушивать такие пошлости.

– А, что полагается?

– Ну, не знаю. Можешь какую-либо серенаду спеть. Желательно – слезливую. Сонет, к примеру, зачитать… Слабо?

– Без вопросов, – улыбнулся Лёха. – Слушай:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.